
ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

Выходит с 2014 года

П.Н. Жондоров, Н.К. Лотова, В.П. Старостин

**К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ
ЯКУТСКОЙ АВТОНОМНОЙ
РЕСПУБЛИКИ И ВОПРОСЫ
ЭТНОПОЛИТИКИ**

Монография

*Якутск
2020*

ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 329.17

ББК 66.1(2)

Ж-80

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

профессор, доктор философских наук В.Д. Михайлов

профессор, доктор философских наук В.А. Нехамкин

ISBN 978-5-6042913-0-6

ISBN 978-5-6042913-0-6

© П.Н. Жондоров, Н.К. Лотова,
В.П. Старостин, 2020
© Издательство ЯРО РГО
«Академия»

ПРЕДИСЛОВИЕ

С этого года кафедра социально-гуманитарных дисциплин Арктического государственного агротехнологического университета (бывший департамент по экономико-правовому и гуманитарному образованию Якутской государственной сельскохозяйственной академии) продолжает свои монографические публикации работ, подготовленных силами как самих сотрудников, так и профессорско-преподавательского или научного состава других вузов и научно-исследовательских учреждений Якутии. Как и в прошлые года мы будем обращать внимание на рассмотрение проблемы социального, экономического и образовательного развития Республики Саха (Якутия). Однако формат и параметры подачи материалов изменятся, более приближаясь к камерному и академическому варианту монографического издания. Эти перемены вы почувствуете уже в настоящем выпуске. Надеемся, что эти нововведения не нарушат дискуссионного характера наших изданий, желания автора наиболее шире и глубже представлять обсуждаемую проблематику и уровня научной обоснованности выводов и заключений.

В этом выпуске мы размещаем монографию «К истории становления Якутской автономной республики и вопросы этнополитики», являющейся совместным трудом доцентов кафедры П.Н. Жондорова, Н.К. Лотовой и В.П. Старостина. В данном издании авторами предпринята попытка осмысления роли якутской национальной интеллигенции в создании Якутской АССР в 1922 г. Указанный период охватывает завершение гражданской войны в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, где события происходили со значительным запозданием, чем в европейской части страны. Авторы подчеркивают, что автономная республика на крайнем северо-востоке бывшей империи может рассматриваться как совместный проект малочисленной национальной интеллигенции и местного якутского большевистского руководства.

Авторы также проводят системный анализ данного исторического периода с точки зрения современных представлений о геополитике.

ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

тике, этнополитике и с позиции политического сознания исследователей XXI века. Некоторые выводы авторов могут показаться читателям спорными или гипотетическими. Но таковыми и должны быть научные знания – ни одна статья, ни одна монография или издание не может представлять истину в последней инстанции или превращаться в догму. Авторы приглашают всех любящих мудрость людей к открытой и свободной дискуссии и спору.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования не вызывает у авторов сомнения: этнонациональные процессы внутри Российской Федерации, в постсоветском пространстве, а также далеко за ее пределами сделали насущными вопрос о теоретическом и методологическом определении давно дискутируемой в обществе проблемы. Происходящие сегодня события в данной сфере – сфере межнациональных отношений вышли за рамки только теоретических обсуждений: постсоветское пространство представляет собой наглядный пример того, как могут развиваться нерегулируемые или регулируемые скрытыми общественными акторами отношения между людьми разных национальностей, если годами не обращать на них внимания и не решать их.

Национальный характер взаимоотношений противоречиво сказываются на всех трех уровнях: внутринациональном, межнациональном и международном. И каждый уровень предусматривает свои объекты исследования, свои методы и инструментарий. На внутринациональном уровне нами рассматриваются те связи и отношения, которые можно изначально складываются как групповые, межклассовые и политические, но впоследствии могут приобретать характер борьбы за национальное единство, национальные интересы и идеи национальной свободы, стимуляторами которых являются, прежде всего, национальное или этническое самосознание в различной степени своего развития.

Межнациональный уровень развивается внутри одного государства, общества, группы, коллектива. Они часто проявляются и на межличностном уровне, так как решающую роль играет этнический фактор, растворенный в каком-либо сложившемся мнении, национальном стереотипе. Конфликты, которые могут тут проявиться – наиболее часты и более или менее прогнозируемы, объективны и потому, более управляемы.

Третий, высший уровень – это проявление национального на государственном уровне, в отношениях между национальными госу-

дарствами и странами. И, несмотря на то, что на данном этапе национальное нивелируется, превращаясь все более в фактор чисто социально-исторический, но и тут зачастую просматриваются противоречия между людьми разных национальностей, их сложившиеся убеждения и предрассудки, интересы и потребности.

Вся сложность и многозначность межнациональных отношений заключается в том, что они охватываются всеми сферами общественной жизни, даже если они и представляются нами зачастую интернациональными или наднациональными, так как каждая национальность, этническая группа имеет желание сохранить свои особые интересы, достижения и позиции, и стремится закрепить свое положение в общепринятых нормах и правилах.

Противоречивость происходящих межнациональных отношений диктуется тем, что с одной стороны, стремление каждой отдельно взятой нации к саморазвитию, самостоятельности и равноправию, а с другой – объективным желанием этнической группы к объединению и интеграции, к взаимному сотрудничеству и совместной деятельности. На каждом своем историческом отрезке развития любая нация проходит через свои собственные и несравнимые с другими этническими группами этапы формирования и становления. При этом вопросы интеграции или, наоборот, дезинтеграции, продиктованные политической целесообразностью или хозяйственными вопросами, рассматриваются как находящиеся над интересами только лишь одной, пусть даже титульной нации. Вместе с тем, на конечном результате, все достижения будут рассматриваться общественным сознанием как национальные по своей форме успехи.

Поэтому национальный вопрос в любой стране будет иметь конкретно-историческое содержание и его решение не было однозначным и однотипным, в зависимости от объективно сложившихся исторических условий, классового содержания правящих кругов и развитости политических институтов. К тому же, практически все страны и государства изначально складывались как полиэтнические, многонациональные. Поэтому вопрос о национальной идее становил-

ся для правящей верхушки зачастую вопросом выживания и дальнейшего существования.

До недавнего времени считалось, что с развитием международных отношений, убыстрением миграционных и расширением глобализационных процессов, а также с установлением политической демократии национальный вопрос отпадет сам собой и перестанет быть актуальной. Казалось, что демократия несовместима с расизмом и ксенофобией, а терроризм не имеет национального обличия. Но новейшая история и практика показали, что национальный вопрос и национальная идея могут возникнуть как в отсталых экономически и политически развивающихся странах Африки и Азии, так и в развитых демократических государственных формированиях старой Европы, так и Нового Света.

Этничность, национальная особенность могут долгое время находиться в скрытом виде и проявлять себя как основной фактор или механизм, движущий общество. Некоторые исследователи относятся к этничности как к рационально-инструменталистской ориентации индивида или общества. Она вызывается к жизни в определенные этапы становления общества, например, при необходимости преодоления экономических или хозяйственных трудностей, для оказания взаимных социальных услуг, при солидарном поведении, но прежде всего, для политической мобилизации общества для решения насущных вопросов. Очень часто политики разыгрывают этническую карту для решения узкокорпоративных целей¹. Вопрос о языковых взаимоотношениях внутри одного национального государства, проблема культурно-языковой идентификации или культурно-исторической самобытности могут стать основой для появления иных нерешенных проблем и противоречий в обществе.

В современной российской науке наибольшую популярность приобретает вышеуказанный нами инструменталистский подход, основанный на теории общественной рациональности или теорию об-

¹ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. –М.: Наука, 2003. –С. 103.

щественного выбора. Основоположниками данного направления в социологии можно назвать Д. Лэйтона², С. Олзака³, Д. Хоровитца⁴, Д. Ротшильда⁵ и др. В среде современных российских этнополитиков приверженцами данного направления можно назвать: Л. Дробижеву, Ю. Арутюняна, А. Сусоколова⁶, М. Губогло⁷, и некоторых других ученых.

Объективная причина, по которой связано население страны – это их совместное историческое прошлое. За многие столетия страны, живущие по соседству друг с другом, проходили через состояния противоборства и соперничества, союзничества и войны. Одни государства, под натиском других, исчезали, другие – повинувшись невидимым узам единения - объединялись и создавали новые сообщества. Были периоды угнетения одних стран другими, которые создавали условия для появления новой порции недоверия и розни. Прошлое изобилует примерами поиска виноватых и ксенофобии, но были и периоды восстановления добрососедства и настоящей дружбы между народами разных стран и даже континентов.

Тенденции интеграции и дезинтеграции порой действуют одновременно и оба могут восприниматься противниками в политическом противостоянии как прогрессивные, так и как регрессивные. Единство и борьба противоположностей на политической арене ярко проявляет себя как закономерный и объективный процесс. Инструментализм исследований этнического в политическом находит большой эвристический материал при изучении этнокультурной политики. При этом данный подход объединяет в себе два методологических аспекта со-

²Лейтон Д. Теория политической идентичности. Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. –М.: 1999.

³Olzak S., Nagel J. Competitive Ethnic Relations, Orlando, 1986.

⁴Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley. Cal., 1985.

⁵Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.-Y., 1981.

⁶Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. –М.: Издательство: Аспект Пресс, 1999.

⁷Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. –М.: Наука, 2003.

циального бытия: единство феномена этнического и феномена политического управления.

Очень интересным является и другой подход к рассматриваемой проблематике – социологический неоинструментализм, вначале рассматривавшаяся, только как экономическое учение, в основном изучавшая американскую экономику. Институты, в концепции социального пространства П. Бурдьё, обозначенной как габитусы⁸, интернализированы в сознании индивида и определяются, скорее всего, как социальные нормы и смыслы. Они могут проявляться как политические акторы и стать мотивами и побуждающей силой разнонаправленных социально-политических действий. Во многом они способствуют зарождению и функционированию социальных стереотипов и мифов, навязываются властью как действительно значимые и актуальные⁹. В неоинституциональном подходе четко и детально разрабатываются модели механизма власти, и притом не просто способности принимать управленческие решения и что-либо делать, но и знания как практики, как некоего неявного знания. Но все-таки центральной частью данного подхода, по мысли одного из сподвижников этого направления Н. Флигстина¹⁰, является альтернативная экономическая теория. Еще один представитель этой школы Н. Хасс считает, что нужно ввести необходимые коррективы в анализ, в результате тщательного рассмотрения советской и постсоветской экономики и политики, чтобы отразить взаимодействия власти, культуры и государства¹¹.

Действительно, опыт становления, развития и распада советской власти в России является уникальным экспериментом в социаль-

⁸Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр.: сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. –М.: Socio-Logos, 1993. –С. 43.

⁹Бурдьё П. Описывать и предвидеть: Заметки об условиях возможности и границах политической действенности // Логос, 2003. № 4-5. –С. 33.

¹⁰Fligstein N. Social Skill and Theory of Fields // Sociological Theory. 2001. Vol. 19. № 2. –P.105-125.

¹¹Хасс Дж. Социологический неоинституционализм и анализ организаций (предисловие к разделу) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. –Вып. 3, 2007. –С. 124.

ной области. В последнее время в бывших республиках СССР довольно живо рассматриваются проблемы и вопросы этнополитики. Этническая политика с точки зрения многих исследователей выступает как целенаправленная стратегия и курс государства, направленная на регулирование национальных отношений и включающая в себя целью совокупность средств и методов для достижения цели этнонациональной и конфессиональной стабильности, единства и консолидации общества¹².

Основой этнополитики, с точки зрения исследователей, выступает национальная культура народа, несущая в себе подлинную этическую и эстетическую самоценность, обладающая самодовлеющей и непреходящей значимостью как для индивида, так и для всего общества. Это шифр, некий «код нации, ключ к ее мироощущению и миропониманию»¹³.

В период существования СССР государство, монополизируя идеологию общества, жестко следила за любыми изменениями в умонастроениях советских людей, навязывая им ценности новой общности людей. Динамика развития общественных отношений, изменения и перемены в судьбах людей рассматривалась через призму идеи строительства социалистического и коммунистического общества. И, как считалось, суть социально-культурных преобразований, в полной мере проявляются регулятивные возможности новой, социалистической морали, формирующей принципиально новый облик и образ человека – «революционера, существа, принимающего на себя ответственность за будущее развитие общества»¹⁴.

Процесс утверждения коллективистских общественных отношений, в том числе, и в сфере межнационального взаимодействия,

¹²Сарсен А.К. Культура и образование как основы геополитики // Электронный научный журнал edu.e-history.kz. № 24(12).

¹³Малинин Г.В., Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., Нысанбаев А.Н. Теория и практика межэтнического и межкультурного взаимодействия в современном Казахстане. – Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2002. –С. 186

¹⁴Нравственная жизнь человека: искания, позиции, поступки / редколл.: А.И. Титаренко (отв. ред.) и др. –М.: Мысль, 1982. –С. 4.

формирование новой общности людей – советского народа – стало представлять собой развертывание социалистической жизни в нашей стране.

Этническое содержание политической сферы общества в основном связано с цивилизационным подходом к всемирно-историческому процессу развития человеческого сообщества. Создателем и самого оригинального, и на наш взгляд, наиболее методологически выверенного варианта цивилизационного подхода является Вильгельм фон Гумбольдт, который нашел своих верных последователей в работах О. Шпенглера и А. Тойнби. Пророчески заглядывая в будущее, в одном из своих последних произведений он писал: «...Та власть, которой обладает над нами, нами же созданная цивилизация, все определенной толкает нас в направлении универсализма, народы под нашим влиянием приобретают намного более единообразный облик, и формирование оригинальной национальной самобытности удушается в зародыше даже там, где оно, пожалуй, могло бы иметь место»¹⁵.

Наше цивилизационное сегодня входит в стадию размывания национально-государственных образований и формирования наднациональных институтов. Норберт Элиас в своей книге «О процессе цивилизации» предлагает рассматривать изменения в обществе как нормальную способность бытия людей, а сами социальные процессы видеть как обеспечивающие его функционирование механизмы. Для того, чтобы понять что такое цивилизация, считает он, необходимо обратиться к истории и осознать, что «которую мы считаем господствующей, является процессом, или частью процесса, в котором мы участвуем. Все то, что мы создали: машины, научные открытия, государственные формы — является свидетельством формирования определенных человеческих связей, определенного типа общества и создания определенного вида человеческого поведения»¹⁶.

¹⁵ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. под ред., с предисл. и примеч. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – С. 181.

¹⁶ Glucksman A. Norbert Elias on his eightieth birthday. In: Human Figurations. Oxford, 1978. – P. 75.

А в начале XX века только определялись параметры этнонациональной политической науки, только выверялись определенные категории, которые могли бы быть включены в ее анналы, и пока даже не были до конца прояснены этнополитические понятия. В данном случае, сама история определяла пути социально-политического развития народов, которые вмиг оказались свободными в своем выборе и независимы в определении своей перспективы. впереди еще были дискуссии по формам обретения своей государственности в общем российском и мировом цивилизационном процессе.

Тот же упомянутый нами В. Гумбольдт считал, что цивилизация может быть выведена из недр самой нации, «и тогда она свидетельствует о духовном подъеме, который... не всегда поддается объяснению. Когда ее насаждают в той или иной стране извне, она распространяется быстрее, чем исконная, может более свободно проникать во все разветвления общественного организма, но будет с меньшей интенсивностью оказывать воздействие на дух и характер»¹⁷.

Вот почему чрезвычайно важно, чтобы в переломные моменты своего национального развития у каждого народа имелась своя элита. Та самая интеллигенция, защищающая свои этнические ценности, свою культуру и язык – интимное лоно культуры. Только тогда будут разумными и сбалансированными управленческие меры и функциональные этапы адаптации национального к ритмам и логике современного цивилизационного процесса.

¹⁷ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. под ред., с предисл. и примеч. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – С. 59.

Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ ЯКУТСКОЙ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ

§1.1. К вопросу об участии национальной интеллигенции в становлении Якутской автономной республики

Республика Саха (Якутия) занимает более 3 млн. км² при населении около 1 млн. человек, и является одним из субъектов Дальневосточного федерального округа РФ. Республиканский статус территории исторически связан с событиями начала 20-х годов прошлого века, когда в Сибири и на Дальнем Востоке еще шла гражданская война на последней стадии. Как известно, на указанных территориях в 20-е годы образовались Якутская и Бурят-Монгольская автономные республики, а другие территории образовали области и края РСФСР. Также надо отметить и автономные образования малых северных народов вроде Чукотского, Таймырского, Эвенкийского, Корякского округов. Что касается Тувы, то она лишь после крушения Китайской (Цинской) империи во время Синьхайской революции 1911 – 1913 годов попала под власть России под названием Урянхайский край. Окончательное вхождение в состав СССР в качестве автономной области произошло в 1944 г., преобразование в автономную республику в 1961 г.

Между тем эти обширные земли с суровым климатом лишь в XVII – XVIII веках в основном вошли в состав России, а массовое их заселение русскоязычным населением началось лишь в XIX веке. Коренным населением являлись различные тунгусо-маньчжурские народности (потомки которых – эвенки, эвены, орочи, удэгейцы и другие), буряты (народ монгольского происхождения), палеоазиатские народы (потомки которых – коряки, ительмены, юкагиры, нивхи, чукчи), якуты и тувинцы (народы, говорящие на тюркских языках). При этом лишь у якутов и бурятов этнополитическое развитие в условиях социально-политических трансформаций после крушения Российской империи привело к образованию собственных национально-

территориальных государственных образований в составе Советского государства.

Считаем нужным отметить, что история Тувы в тот период явно имела свою специфику – этот окраинный национальный (этнически не китайский) регион Цинской империи в 20 -30-х годах существовал в виде Тувинской народной республики, имевшей связи лишь с СССР и Монголией, и не признанной тогдашним мировым сообществом. В действительности это было государство – придаток СССР, почти безвозмездно снабжавший скотом и другой сельскохозяйственной продукцией, сырьем в годы войны.

Если ограничиться только судьбой Якутской области в кризисные годы после крушения империи, то можно видеть, что здесь, как и в целом по стране, произошел политико-идеологический раскол, обусловленный не только политической (верхушечной), но и социальной (глубинной) революцией. Верхушка тогдашнего якутского этноса, относившегося к сословию инородцев, в целом отрицательно отнеслась к большевикам, была ближе к их противникам, и пострадала вскоре за это. Верхними слоями якутов в то время были баи и тойоны – богатые скотоводы, занимавшиеся часто и торговлей, родоплеменная верхушка. Вообще в экстремальных условиях Севера (вечная мерзлота, долгая и холодная зима) социально-политический процесс происходил замедленно, с деформациями/отклонениями из-за дефицита материальных ресурсов, т.е. нехватки добавочного продукта. В результате развитие сферы политических, властных отношений объективно ограничивалось уровнем патриархально-традиционной власти над небольшими коллективами, ядро которых составляли сородичи. Но историческое развитие, имеющее свои законы, предоставило шанс и местному сообществу начать развиваться по общечеловеческому пути через формирование государственности. Произошло это вследствие попадания территории будущей Якутии в состав России в результате походов казаков и землепроходцев, формирования царской администрации и низшего самоуправления в виде инородческих управ с князьями во главе. В итоге замедленное политическое развитие ускорилось после прихода русских, и возникновение собственной

национальной интеллигенции в конце XIX века означало, что появился человеческий фактор, который при соответствующих условиях мог реализовать республиканский проект в рамках советского федеративного государства, устроенного по национально-территориальному принципу.

Судьбоносный 1917 год не только разрушил имперский аппарат управления, привел к кратковременному хаосу во властных отношениях (бессильное Временное правительство, двоевластие, различные власти во время гражданской войны), но также означал отмену сословий, декларативное равенство граждан (кроме остатков прежних, враждебных большевикам, классов). Такие радикальные перемены закономерно привели к осознанию народом своей свободы, возникновению движения за права, породили проблему легитимации новой власти и вовлечение части народа в политическую борьбу.

Якутия, будучи значительно отдаленной от центра, испытала влияние происходивших революционных событий с немалым опозданием, что имело свои последствия. И гражданская война затянулась здесь вплоть до 1923 г. В эти несколько кризисных лет якуты боролись за свои права под руководством лидеров – местных большевиков и беспартийных интеллигентов, сумевших найти общий язык. Расположения якутского народа, ставшего субъектом политики, в эти решающие годы добивались как красные, так и белые. Так, свержение монархии привело к отстранению от власти якутского вице-губернатора барона Тизенгаузена, полицмейстера Рубцова и ряда чиновников, на смену которым пришла часть политических ссыльных, образовавших Якутский комитет общественной безопасности (ЯКОБ) во главе с председателем Г.И. Петровским, депутатом IV Государственной думы. Неверной следует считать распространенную в советской историографии концепцию о руководящей роли левых социал-демократов – большевиков, так как установлено, что тогда в общественно-политической жизни было относительное согласие между партиями и группами, интересы которых совпадали в первых демократических преобразованиях. В целом среди политических ссыльных

в Якутии преобладали эсеры, имевшие большое влияние на молодежь, что отмечалось И.Н. Бараховым – видным местным большевиком¹⁸.

Из 50 с лишним кандидатов в Якутскую городскую думу было 11 якутов, 9 из которых были членами возникшей недавно группы “Союз свободы”. Поэтому якутские кандидаты стояли после русских, выдвинувших 32 кандидатуры¹⁹.

Уже в 1917 г. произошли преобразования, затронувшие наиболее насущные проблемы якутского населения: так, I съезд якутов и русских крестьян (апрель 1917 г.) принял эсеровский проект решения аграрного вопроса, отрицавший частную собственность на землю, были отменены ясак и прочие сборы²⁰. И в связи с этим следует отметить, что альтернативное социал-демократам общественно-политическое движение – сибирское областничество – недооценивало нерусские народы, рассматривало их лишь как объект управления, придерживалось принципа не национальной, а территориальной автономии, а под сибиряками понимались в основном русские²¹. Поэтому выбор, сделанный наиболее активной частью якутского народа – левой интеллигенцией, состоявшей в большинстве своем из воспитанников и учеников политических ссыльных, – оказался исторически верным. Ориентируясь на твердую позицию местных руководящих большевиков П.А. Ойунского, М.К. Аммосова, И.Н. Барахова, С.В. Васильева, С.М. Аржакова и других, немалая часть якутских интеллигентов выбрала сторону советской власти. Тем самым они сохранили себя, и в дальнейшем принесли много пользы народу, будучи задействованными в образовании, экономическом развитии, культурном укреплении Якутской АССР.

Хотя якуты и перестали быть инородцами после отмены словесного принципа разделения населения, но декларативно предо-

¹⁸ Алексеев Е.Е. История национального вопроса в Республике Саха (Якутия) (февраль 1917 – 1941 гг.). – Якутск: Литограф, 1998. – С. 59, 62-63, 67-70.

¹⁹ Там же. – С. 62-63, 66.

²⁰ Там же. – С. 69-70, 73.

²¹ Башарин Г.П. Общественно-политическая обстановка в Якутии в 1921–1925 гг. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1996. – С. 7, 9-13, 25-26.

ставленные права и свободы еще следовало отстоять в политической борьбе, кульминацией которой стала кровопролитная гражданская война. В годы войны малочисленной якутской интеллигенции как слою, выражавшему национальное самосознание, угрожала опасность уничтожения, но умная и твердая политика партийно-государственного руководства республики не допустила такой невосполнимой для народа потери. В трудные годы вооруженного политического противостояния якутский народ смог приобщиться к власти через наиболее активную свою часть – молодых партийных и советских руководителей. В новых условиях власть и народ оказались намного теснее связаны, чем при царизме, когда тойоны (родоначальники), будучи князьями, улусными головами, представляли нижнее звено самоуправления, над которым надстраивалась русская структура господства. Царская администрация в принципе не нуждалась для своей легитимации в привлечении инородцев, и инородческие управы (если рассматривать их как местный суррогат власти) были фактически вспомогательным органом, подчиненным полиции.

После 1917 г. якутский народ смог стать этнополитической целостностью, субъектом политики, что было крупным достижением в национальной истории. Это стало возможным в результате того, что активная и образованная левонастроенная часть местного населения смогла адекватно откликнуться на политическую линию Москвы, направленную на консолидацию единого советского государства примерно в рамках бывшей империи. Как известно, центральная линия тогда реализовалась в так называемом ленинском проекте создания государственных административно-территориальных образований (советских республик), которые образовали бы союз. Подобное решение смогло погасить остроту национального вопроса, выбило национальный “козырь” у оппонентов большевиков.

Если в Польше независимость стала возможной в результате немецкой оккупации, т.е. фактической потере власти русских над территорией, а Финляндии независимость была предоставлена вынужденно в условиях убедительной победы финской национальной буржуазии над местными левыми, то в Сибири наблюдались существен-

ные отличия от западных, южных и юго-восточных регионов бывшей империи. В то время как в Польше, Финляндии, Украине, Прибалтике, Кавказе после 1917 г. были созданы правительства и существовали разной степени интенсивности национальные движения, то в Сибири очаги передовой экономики были связаны с местами расселения русскоязычного населения. Коренное население было в социально-экономическом отношении слаборазвитым, в его среде действенных националистических и сепаратистских движений не возникло. Различные правительства, появившиеся на сибирских территориях после 1917 г., были продуктом недолговечной политической конъюнктуры, либо выражением претензии на управление восстановленной Российской империей (как режим Колчака, например). Таким образом, этнополитические процессы находились на низкой стадии развития, и вполне закономерным было то, что политические начинания оказывались эфемерными, местные движения подчинялись целям реставрации прежнего социально-политического положения. Создание же автономии в охваченной гражданской войной Якутии стало исключением²².

Эйфория от последовавших после Февральской революции перемен вскоре прошла, а углубление революции, перешедшее в вооруженное противостояние, заставило осознать, что до установления стабильности еще далеко, поэтому необходимо активное участие в происходящих событиях. Реальная угроза существованию народа и необходимость защиты его жизненных интересов активизировали часть народа, раскололи его на сторонников и противников большевиков. Национальная интеллигенция якутов в такой решающий момент сыграла прогрессивную роль, помогла местному сообществу найти достойный выход. Ведь Якутия оказалась в сложной ситуации: хоть территория и не была оккупирована иностранными войсками, но легко выходила из-под контроля центра в случае нестабильности. Если в Польше, к примеру, подобное привело к независимости (после при-

²²Кэпп Э. История Советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большеви́стская революция. 1917–1923. Пер. с англ. –М.: Прогресс, 1990. –С. 234-239, 252-253, 278-279.

знания Германией и Австро-Венгрией поражения в ноябре 1918 г. реализовался проект Антанты по созданию буферных государств), то для Якутии это было недостижимо. Численность населения (около 250 тысяч человек) была недостаточна, низок был его культурный уровень, природно-климатические условия очень суровы, хозяйственная деятельность осуществлялась с затруднениями (можно указать на возникший недостаток муки и других необходимых товаров). И в подобных обстоятельствах люди, воплощавшие интеллект и волю народа, сумели добиться статуса автономной республики в 1922 г. В значительной степени стабилизировалась ситуация внутри Якутии как следствие удовлетворенности национальных чувств, связанных с ними ожиданий.

В культурном строительстве, национальном возрождении, укреплении Якутской республики очень велика роль местной интеллигенции. Характерно постановление губернского бюро РКП (б) от 1920 г. об обязательном членстве коммунистов якутской национальности в культурно-просветительском обществе “Саха омук”. В Якутской АССР сущность коренизации заключалась в комплектации управленческих органов от наследного до республиканского звеньев выдвиженцами из передовых крестьян. Одновременно происходило широкое привлечение беспартийной интеллигенции к работе госаппарата, но постановление ЦК ВКП (б) “О положении в Якутской организации” от 1928 г. прекратило эту практику²³. [6, с. 51, 54, 56].

В заключение следует отметить, что этнополитическое развитие якутского народа в советский период, привлечение якутов к власти имеет закономерности, сходные с регионами и народами с близкими условиями развития. Прежде всего, следовало разрешить многие насущные социальные и политические проблемы нерусских народов, накопившиеся за века. Их проблемы были специфическими, определявшимися отсталостью по историческим причинам. Оказавшись в годы радикальных преобразований перед необходимостью в крат-

²³ Антонов Е.П. Интеллигенция Якутии (1922 – 1938 гг.). – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1998. – С. 51, 54, 56.

чайшие сроки преодолеть отсталость, эти народы в лице своих наиболее интеллектуальных представителей проявили немалую активность в политической сфере, что было обусловлено всей тогдашней обстановкой. Результатом своеобразного натиска явились автономные государственные образования, призванные стать орудием, средством реализации интересов некогда угнетенных народов. Появление собственной государственности в виде автономных республик и областей содействовало росту национального самосознания, привлекло интеллигенцию к работе государственного аппарата. То, что возник СССР, состоявший из союзных и автономных республик наряду с областями и краями, не означало обязательного появления Якутской АССР. Республиканский проект реализовался не в последнюю очередь в результате кипучей деятельности интеллигенции, сумевшей стать выше прежних предрассудков и немалых обид от новой власти, конструктивно работавшей с местными большевиками. Нам представляется, что не будь малочисленной местной интеллигенции (численность которой не превышала 200 человек), наш Ленский край не поднялся бы до уровня национальной республики в составе РСФСР.

§1.2. Этнополитическое развитие якутского народа в первое десятилетие Республики Саха (Якутия)

Межэтнические отношения коренятся в сфере социальных отношений и порой существенно влияют на политическую сферу. В многонациональных государствах подобные отношения могут становиться серьезной проблемой в определенных условиях. Так, в Российской империи национальный вопрос стоял остро, власть осуществляла дискриминацию многих нерусских народов, придерживалась линии русификации. Советская власть установила всеобщее равенство независимо от пола и этнической принадлежности, отменив сословный принцип разделения населения. Радикальным новшеством стало национально-территориальное устройство нового государства, во многом удовлетворившее народы, получившие собственные союзные и автономные республики, автономные области и округа. Но все-таки немало народов остались без национально-территориальных образований, появились споры о справедливости, целесообразности тех или иных границ между республиками. В СССР национализм, огульно объявленный буржуазным, строго преследовался, будучи приравнен к тяжким преступлениям против государства и политического режима. Интернационализм, дружба народов, успешное решение национального вопроса (как бы его “закрытие”) приобрели не только официальный статус, но и стали неоспоримыми догмами правящей партии.

Центробежные силы, подспудно действовавшие давно, проявились в виде острых межнациональных конфликтов в условиях демократизации общественно-политической жизни СССР во второй половине 80-х годов. Перестройка омрачилась не только конфронтацией в верхних эшелонах власти, антисоветской информацией в СМИ, но и рядом кровопролитных столкновений в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Приднестровье, Средней Азии и других регионах. Вскоре Советский Союз распался на 15 государств, территориально почти совпадавших с бывшими союзными республиками. Крупные отечественные социологи, имея в виду, что с 1989 до начала 1993 г. национальные проблемы выдвинулись на передний план, предположили, что

историки когда-нибудь назовут эти годы периодом “взбунтовавшейся этничности”²⁴.

В современном мире наблюдается действие двух мощных сил – движения к гражданскому обществу и национализма – проявляющихся в разнообразных формах в зависимости от региональной специфики. Проблематичны совместимость демократизации и национализма, способность либерализма решать национальные проблемы. Относительно Якутии можно поставить в связи с этим ряд вопросов.

Во-первых, соотнесение якутского национализма периода социально-политической трансформации конца 80-х – первой половины 90-х годов с одной из наиболее признанных и описанных форм – экономическим национализмом. При этом не исключается, что в той или иной мере встречались и другие формы вроде этно-защитного, культурного (в том числе языкового), бытового и даже политического национализма. В связи с этим следует назвать наиболее характерные формы и методы, использовавшиеся для достижения республиканского суверенитета и реализации национальной политики. Во-вторых, осмысление роли элиты в формировании национальной идеологии, установление связи идей, связанных с республиканским суверенитетом, со стремлениями элиты, с надеждами народных масс. В-третьих, установить причинно-следственную связь национального движения и стремления к самоопределению с процессами демократизации. В-четвертых, выявить способность национализма быть фактором модернизации, либо консервации общества. В-пятых, оценить значение этнополитических процессов 90-х годов в легитимации власти в Республике Саха (Якутия).

Для Якутии с ее горнодобывающей экономикой вполне естественным является экономический национализм. При этом следует указать на такое важное обстоятельство, как утрату скотоводством (и вообще сельским хозяйством) роли главной отрасли экономики, начиная со второй половины XX века. Между тем именно разведение

²⁴Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. –М.: Мысль, 1996. –С. 3.

крупного рогатого скота и лошадей было традиционным занятием якутов. В добыче полезных ископаемых и транспорте в советское время преобладало русскоязычное население, состоявшее в основном из переселенцев из центральных областей РСФСР и союзных республик (особенно Украины). Представляется, что подобная ситуация сложилась в результате как малочисленности коренного населения, его неподготовленности к промышленным видам труда, так и целенаправленной политики государства по переселению в отдаленные районы больших масс русскоязычного населения. Ведь таким образом достигались три цели – рационально использовалась рабочая сила, закреплялся прочный контроль над отдаленными сырьевыми территориями, “размывались” этнически однородные массивы населения.

Вполне естественным и ожидаемым является, что национальная идеология неизбежно принимает экономическую форму в условиях, когда сельское хозяйство, в котором было занято большинство трудоспособного коренного населения, теряет значение основы экономики региона. Как нам представляется, преимущественно экономический контент якутской региональной национальной идеологии главным образом формируется под влиянием руководящих структур с целью направления энергии национального движения в созидательное русло. Подобная тактика позволила достичь и политические цели – бюджет Якутии в описываемое время был немалым, что и следует считать главным достижением республиканской власти. Регион никогда всерьез не стремился к отделению от России, и претензии на союзный статус в составе обновленной советской федерации были отвергнуты не только Москвой, но и самим руководством республики как нереализуемые. Экономика Якутии в кризисные 90-е годы не понесла катастрофических потерь, сопоставимых с трудностями некоторых регионов Северо-востока РФ (например, Магаданской области, Чукотского округа, Камчатки), благосостояние населения хоть и снизилось существенно, но массовой пауперизации населения не наблюдалось. В этом велика заслуга первого президента республики М.Е. Николаева, добившегося от правительства РФ и президента Б.Н. Ельцина отчислений от прибылей алмазной компании “АЛРОСА”, принципа двух

ключей в распоряжении минерально-сырьевыми ресурсами, добываемыми на территории Республики Саха (Якутия).

В стихийном, естественном своем развитии якутский национализм, как известно из истории, ограничивался стремлением сохранить язык и культурную самобытность. В области политики он не отдалялся от составления утопических проектов – тоже в значительной степени ориентированных на социально-культурную сферу. Главным образом подобное объяснимо отсутствием собственной государственности вплоть до прихода казаков и землепроходцев в середине XVII в., слабостью политической традиции. Северное сообщество с патриархально-родовой властью оказалось под властью сословно-феодалного Московского (Русского) государства, позже дворянско-абсолютистской Российской империи, и в XX в. в Советском Союзе в качестве автономной республики в составе РСФСР.

Экономический национализм как понятие применяется в науке и публицистике для противопоставления его экономическому либерализму. Понятно, что многие страны старались оградить свои рынки от внешней конкуренции, что вызывало далеко не академическую критику со стороны заинтересованных государств, и порождало политические противоречия, чреватые столкновением. Применительно же к Якутии следовало бы обратиться к определению швейцарского дипломата Уильяма Раппарда: “Экономический национализм – это доктрина, предназначенная служить нации, делая ее не богаче, но свободнее, обеспечивая скорее ее независимость от иностранного влияния, чем материальное благосостояние”²⁵. Действительно, в постперестроечной Якутии стремление к экономической независимости, контролю над принятием решений в хозяйственной области относились к приоритетным целям национальной стратегии.

Объективная закономерность выбора именно идеологии экономического национализма понимается глубже, если обратиться к исто-

²⁵Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. –М.: Мысль, 1996. –С. 205-206.

рическому материалу. Согласно тезисам оригинального якутского историка Сомоготто (С.И. Николаев), смена языков в Якутии в древности, средние века, новейшее время происходила закономерно со сменой так называемых “кормящих занятий”. Вырисовывается картина перехода от охоты и рыболовства к оленеводству, затем к разведению крупного рогатого скота и лошадей, позже к земледелию, и, наконец, к промышленности. Почти одновременно с кардинальными социально-хозяйственными переменами происходил переход от самодийского к тунгусскому, далее к тюркскому (якутскому), позже к славянскому (русскому) языкам. Смена языка влекла и смену этнических названий. Сам историк (Николаев-Сомоготто) предупреждал об опасности, ожидающей якутский народ в скором будущем, и заключающейся в том, что его русскоязычная часть оторвется от основной массы, продолжающей говорить на своем языке, и образует новую общность. Впрочем, в отдаленной перспективе и русский язык разделит судьбу вытесняемого якутского языка, и в свою очередь будет заменен в Якутии каким-либо иностранным языком (английским, японским, либо китайским)²⁶.

Насущная необходимость самосохранения этноса, предки которого были связаны с самым северным вариантом скотоводства, выдвинула такие составляющие местного экономического национализма как контроль над сырьевыми богатствами республики, подготовка самодостаточных кадров, стремление преодолеть односторонне сырьевой характер экономики, активная финансовая политика. Либо якуты и другое коренное население республики будут причастны к промышленности как основному “кормящему занятию” в современный период, либо их языкам и этнонимам грозит исчезновение.

Республика Саха (Якутия) добилась на более чем десятилетие суверенитета в результате настойчивости, инициативности республиканского руководства, сумевшего заключить соглашение с федеральным центром. Содержанием суверенитета был экономический нацио-

²⁶Сомоготто С. Происхождение народа саха. –Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. –С. 4, 40-47, 68.

нализм в описанном выше смысле. В самом деле, в отличие от северокавказских республик здесь обошлись без военизированных и радикальных движений, религия не сыграла сколько-нибудь заметной роли. Кровавопролитных межнациональных столкновений также не произошло, а массовый отток русскоязычного населения в 90-е годы был связан с кризисом в горнодобывающей отрасли и последовавшей безработицы.

Несмотря на приоритет экономических мотивов, без национальной идеологии (или круга национальных идей и проектов), а к ним может быть причастна лишь элита (либо ее часть), невозможно было обойтись. Республиканский суверенитет имел поддержку со стороны элиты и народных масс. Тут необходимо помнить то обстоятельство, что огромная по площади территория имела лишь около миллиона населения, а основной коренной народ был фактически малочисленным и в основном представленным сельскими жителями. Современные якуты уже расколоты в языковом отношении – некоторая часть этноса владеет лишь русским языком. Политическая традиция у них слаба и неразвита по объективно-историческим причинам – достаточно указать на нехватку прибавочного продукта для содержания относительно крупного правящего и военного слоя, на неполноправный инородческий статус в течение двух с половиной веков пребывания в составе царской России. Что касается непосредственно элиты, то традиционно в культурно-идеологической сфере доминировала гуманитарная интеллигенция со всеми своими достоинствами и недостатками.

Мощные миграционные процессы, связанные с разработкой полезных ископаемых, в демографическом плане привели к тому, что якуты (саха) превратились на своей родине в национальное меньшинство – в 1989 г. они составляли 33,4% от населения Якутской АССР. Осознание себя меньшинством, как правило, порождает комплекс тревог за будущее своего этноса, возникает ощущение себя как бы “придатком в политике этнического большинства”²⁷. В подобной си-

²⁷Винокурова У.А. Сказ о народе саха. –Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. –С. 94.

туации вполне ожидаемо формирование этно-защитной психологии и идеологии. Особо следует выделить три основных мотива: переживания в связи с малочисленностью якутского народа, призывы к внедрению коренных кадров в промышленный сектор экономики, попытки защиты языка и культурной самобытности. Идеология защиты коренного населения была следствием национального состава, демографической ситуации, процессов размывания национальной культуры, ломки традиционного стереотипа поведения, забвения родного языка частью якутов, скромным материальным положением большинства сельского населения. Интеллигенты-гуманитарии повлияли тем, что в упоминаемой идеологии немало места занимают эмоции, этика, встречаются экстравагантные проекты вроде введения полигамии. Замечались также переключки с “классическим” национализмом XIX – первой половины XX вв., утопический характер рассуждений. Конечно, и тогдашнее положение республики как суверенного субъекта Российской Федерации обязывало к тому, что этно-защитный вариант идеологии был паллиативным – декларировалась необходимость защиты интересов всего населения, называемого “многонациональным народом Республики Саха (Якутия)”.

Полагаем, что защита интересов всего многонационального населения Якутии выходит за рамки этно-защитной идеологии, больше относится к гражданскому обществу, социальному и правовому государству. Кроме того, подлинно нуждаются в защите именно в качестве этносов отнюдь не все национальные общности и группы. Правда заключалась и в том, что якуты как этническое меньшинство в своей республике оказались не в состоянии отстаивать свои права посредством институтов демократии²⁸. Из-за такого обстоятельства в этно-защитной идеологии явственно звучали требования государственного содействия в разрешении проблем, связанных с бытием коренных народов. Изначально в этом проявлялись иждивенческие

²⁸Винокурова У.А. Сказ о народе саха. –Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994.–С. 128; Иванов В.Н. Взаимодействие этносов: региональные особенности. Сборник научных трудов. –Якутск, 1994. –С. 13.

ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

настроения, весьма крепкие у бывших советских людей. За все годы суверенитета этно-защитная идеология не смогла принять подлинно политический характер. В целом можно утверждать, что якутская политическая идеология отсутствует.

§1.3. Варианты развития этнополитических отношений в Якутии на рубеже веков

Процессы демократизации в Якутии протекали синхронно и во взаимосвязи с аналогичными процессами по стране в целом. Все, что происходило, было обусловлено политикой перестройки и ее последствиями в виде ликвидации монополии КПСС на власть, распада союзного государства. В самой республике отсутствовали условия для формирования и развития демократии в западном варианте. История показала, что в современном мире можно признать реальными лишь западную демократию (включая либерализм) и ее региональные разновидности. Следовательно, под демократизацией в нашей статье понимается комплекс социально-политических изменений, содержанием которых был демонтаж советских устоев. Другими словами, демократизация, произошедшая тогда, стала отрицанием “подлинно народной демократии”, присущей советскому социализму.

По объективным причинам Якутия не имела опыта демократии. В состоянии перехода от доклассового к раннеклассовому обществу, она попала под власть России, и большинство населения было отнесено к неполноправному сословию инородцев. В советский период была предоставлена автономия, но как в других территориях СССР развитие происходило в условиях тоталитарного, либо авторитарного режима. Известно, что в то время декларировалось существование социалистической, народной демократии, противопоставляемой буржуазной, классовой, парламентской демократии. Даже с учетом того, что под вывеской народовластия скрывалась монополия коммунистической партии на власть, следует признать, что якуты и другие коренные жители республики стали официально полноправными гражданами страны только в советское время. Поэтому значение советской власти было неоднозначно: не только формально, но и во многом фактически установилось равноправие бывших инородцев с другими жителями страны, получены определенные права и свободы, достигнут немалый прогресс, и одновременно установилось состояние, исключаящее подлинно демократическое развитие.

Прежде всего, хоть советский режим эволюционировал от жесткого тоталитаризма к авторитаризму после Сталина, но не изменилось стремление контролировать и регламентировать почти все стороны человеческой жизнедеятельности. И подобный режим, дополнявшийся достаточно развитой системой социального обеспечения, имел точки пересечения с традиционным якутским укладом жизни, в основе которого лежали коллективизм и патриархальность. Социализм, обеспечив возможность определенного материального благополучия, подняв культурный уровень, в политическом плане не устранил авторитарную традицию – вместо прежних тойонов (князцов, улусных голов, родовых старейшин) и царских чиновников появились всеисильные административно-партийные органы.

Национальное движение якутов и других народов республики, происходившее в двадцатые годы, было кроваво подавлено и объявлено контрреволюционным, сепаратистским, реакционным²⁹. После такой расправы открытого движения, выступающего за самоопределение, борющегося за национальные интересы, не наблюдалось. Только в условиях перестройки появились и в Якутии предпосылки возрождения национального движения. Сигналом таких перемен стало выступление в апреле 1986 г. студентов Якутского госуниверситета, возмущенных хулиганской выходкой со стороны русскоязычной молодежи. Подобные эксцессы, происходившие неоднократно, воспринимались как фактическое неравенство наций, подспудно копилось недовольство безразличием со стороны власти, иногда попустительством со стороны органов внутренних дел. Фактически студенческое выступление, несмотря на локальный и кратковременный характер, всколыхнуло общественное мнение республики, имело непропорционально большой резонанс.

²⁹ Алексеев Е.Е. История национального вопроса в Республике Саха (Якутия) (февраль 1917 – 1941 гг.). – Якутск: Литограф, 1998. – С. 173-180, 203, 219-236; Антонов Е.П. Тунгусское национальное движение // Полярная звезда, 2000, № 4. – С. 92-96; Иванова Т.С. Из истории политических репрессий в Якутии (конец 20-х – 30-е гг.). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – С. 4-5, 21-53.

Последовавшая за выступлением волна критики национализма, организационные решения о снятиях с должностей, отчислении студентов, активно участвовавших в выступлении, уголовные дела показательны как свидетельство слабости, несамостоятельности местного административно-партийного руководства. Областной партийный комитет не смог адекватно отреагировать на произошедшие события, продемонстрировал некомпетентность. Якуты были поспешно и огульно обвинены, в мае 1986 г. было принято постановление о борьбе с национализмом, чем был начат своего рода массированный идеологический террор в отношении якутского народа³⁰.

После знакового события 1986 г. (пусть даже оно и покажется теперь малозаметным, почти заурядным по сравнению с тем, что произошло потом в некоторых республиках СССР) прошло всего несколько лет, и партийный комитет потерял власть, уступив место М.Е. Николаеву. Местное сообщество тоже находилось в общем потоке перестройки, и неизбежно произошли преобразования с тем же результатом, что и во всей России – устои социализма были ликвидированы. Региональная особенность заключалась в том, что государственная собственность в главных отраслях, секторах экономики сохранилась, приватизация не была такой всеобщей как в целом по РФ. Изменения коснулись преимущественно властных институтов, идеологии.

Может показаться, что предварительные условия для функционирования многопартийной системы (тем самым и полноценной парламентской деятельности), появления плюрализма в сфере мировоззрения, развития частной собственности в многообразных формах возникли. Но партийная система в России, начиная с ее формирования в конце 80-х – начале 90-х годов, характеризуется неустойчивостью и даже некоторой условностью. Так, возникло и исчезло множество партий за три десятилетия постсоветской истории, деятельность многих партий реально ограничивалась лишь Москвой и несколькими

³⁰ Алексеев Е.Е. История национального вопроса в Республике Саха (Якутия) (февраль 1917 – 1941 гг.). – Якутск: Литограф, 1998. – С. 8-11.

крупными городами. В целом была тенденция превалирования рыхлых и эфемерных общественно-политических движений, а сохранившиеся партии во многом являются эффективными партийными проектами – уцелевшими в отличие от конкурентов, “застолбившими” определенную политическую нишу, устраивавшими правительство. Так и в Якутии общество “Саха омук”, вызвавшее в свое время множество самых разных ожиданий, растаяло в правительственных структурах, не реализовав идею созыва съезда якутского народа. Собственность со временем оказалась в полном распоряжении всемогущих ведомств, что было близко к общему для РФ в целом процессу установления экономического господства финансово-промышленных групп³¹.

История развития многих стран показала, что национализм способен быть стимулом, одним из механизмов модернизации, либо способом консервации общества в зависимости от своего содержания, степени зрелости, и того, чьим интересам он служит, кем формулируется. Э.А. Поздняковым были выделены три вида национализма: этнический, державно-государственный и бытовой. Якутии по такой классификации может быть свойствен лишь этнический национализм³². Он может иметь и вполне позитивные стороны вроде направленности на защиту законных интересов народа, но надо признать, что по узости, ограниченности содержания, низкой степени зрелости он не годится в качестве стимула модернизации. Препятствуют этому как характерные черты якутского этнического национализма (например, его этно-защитный характер), так и условия, в которых ему приходится проявляться (именно сложное и противоречивое взаимодействие, в чем-то и конкуренция двух основных общностей – якутов и русскоязычных). Стимулом модернизации мог бы служить общереспубликанский патриотизм, выступающий под девизом “мы – якутыне”. Только он, в идеале, консолидировал бы национально-

³¹Винокурова У.А. Сказ о народе саха. –Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик» 1994. –С. 84 – 85.

³² Поздняков Э.А. Нации. Национализм. Национальные интересы. –М.: Прогресс: Культура, 1994. –С. 57.

этнические устремления двух основных общностей республики и многих других. Что же касается якутского этнического национализма, то он являлся бы интегрирующим фактором для самих якутов, но при этом определенным образом координировался бы с предполагаемым общереспубликанским патриотизмом.

Неоспоримо то, что для многонациональной Якутии необходимо нахождение парадигмы согласия, создание единой для большинства населения культурной платформы. Только в этом случае сформируется поведение, направленное на конструктивное сотрудничество, партнерство, содействие. Одного лишь совместного проживания в суровых условиях недостаточно – северяне ведь бывают и разобщены по тем или иным основаниям, устремлениям, установкам. Думается, что быстрое сокращение населения и запустение ряда русскоязычных областей Дальнего Востока и Сибири (бывших переселенческих колоний в российском варианте) объяснимо не одним экономическим кризисом. Если люди не считают своей родиной территорию, на которой живут, планируют обязательно вернуться, либо переехать в центральные районы страны, называя их “материком”, “западом”, тогда они не будут и подлинными хозяевами, защитниками своей области, края, но лишь временщиками, хищными потребителями, равнодушными обывателями.

Якутия нуждается в прочной основе для согласия, поэтому имели место обращения к якутскому национализму и национальной культуре, к русскому православию. Но при всех их достоинствах указанные духовные образования слишком этнически привязаны, исторически ограничены. Даже и русское православие, несмотря на декларируемый мировой статус его как подлинного христианства, все же ограничено кругом русскоязычных, населением не мусульманских, не буддийских, не католических и не протестантских территорий, когда-либо находившихся под властью России. Думается, что общереспубликанский патриотизм содействовал бы конструктивному и взаимовыгодному взаимодействию людей, гармонии нравственного начала и материальных интересов, выдвижению действительно достойных целей и нахождению оптимальных средств. Исходя из такого понима-

ния, национализм в такой мере способен быть стимулом модернизации в республике, в какой он согласуется с парадигмой межнационального и вообще гражданского согласия, ориентирующейся на ненасильственные формы деятельности, доверие и толерантность. Национализму предстоит изменяться, чтобы не разделить судьбу марксизма, не сумевшего доказать свою востребованность в качественно иной политической и культурной ситуации мира, преодолевающего парадигму конфликта³³.

От того как происходили этнополитические процессы в 90-е годы в немалой степени зависела и легитимация власти в республике. Ведь недостаточно быть признанными одним лишь федеральным центром, управлять на основе нормативно-правовых актов. Власть в те беспокойные времена могла быть легитимной также и через волю тех, кем она управляет, и сама легитимность вообще есть неотъемлемое свойство любой жизнеспособной политической системы, один из важнейших компонентов политической культуры общества. Активность населения тогда была несоизмеримо выше, чем сейчас – выборы происходили зачастую в обстановке подлинной борьбы, без предсказуемых результатов, административный ресурс не всегда был всемогущим. Вообще легитимность зависит от политических субъектов, а основными субъектами этнополитической деятельности выступают государство и этносы, осознающие свои политические интересы. В условиях многонациональных государств легитимность неизбежно приобретает и этнический аспект, становится этнополитической легитимностью³⁴. Известны примеры, когда борьба тех или иных сил происходила и происходит под национальными лозунгами, тесно смыкается с национальными движениями. В Нагорном Карабахе армянское население отвергло азербайджанскую власть и добилось отторжения

³³ Михайлов В.Д. Культура мира и парадигма согласия: единство и различие // Логос. Культура. Цивилизация. Тезисы докладов IV научно-теоретической конференции (Якутск. 26 мая 1999 г.). –Якутск, 1999. –С. 109-112.

³⁴ Дробичева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. –М.: Мысль, 1996. –С. 103.

территории, объявления собственной государственности (пусть и не признанной международным сообществом). Преимущественно русскоязычное Приднестровье противопоставило себя Молдове, Абхазия и Южная Осетия фактически вышли из состава Грузии. В Якутии обстановка была спокойнее, хотя в годы суверенизации возникали конфликтные ситуации с инициативами о выходе преимущественно русскоязычных промышленных районов на юге и юго-западе республики (Нерюнгри, Алдан, Ленск) и их включении в состав соседних областей. Такие требования не были поддержаны Москвой, отвергнуты Якутском, поэтому последствий не имели. В свое время немало внимания привлекла общественная организация “Русская община”, председатель которой Л.Г. Медведева и близкие к ней активисты муссировали тему ущемления русскоязычных, непропорциональности их участия во властных структурах, выдвигали различные инициативы и претензии. Республиканскому руководству удалось найти некоторый консенсус с руководством общины, в итоге радикальной конфронтации не было.

Политическая система должна уметь порождать и поддерживать веру населения в способность политических институтов отвечать интересам общества. Таким образом, легитимность связана с общественным сознанием – преимущественно с политико-идеологической его формой. Ее можно определить как “социально-психологическое понятие, включающее в себя чувства, установки, ориентации и убеждения по отношению к политической системе, элитам, специфическим институтам или символам, а также результатам происходящих событий и проводимой политики”³⁵.

Представляется интересным обратиться к понятиям сентиментальной и инструментальной привязанности (лояльности) к системе власти. Для якутского населения была характерна в те годы сентиментальная привязанность, возникшая на основе способности власти

³⁵Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеяева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. –М.: Мысль, 1996. –С. 104.

различными способами выражать групповую (например, этническую) идентичность. Инструментальная привязанность основана на эффективности власти, ее способности учитывать и реализовать специфические групповые потребности и интересы. Этот вид привязанности особенно актуален для политических систем, функционирующих в полиэтнических государствах³⁶.

Суверенизация Якутии неоднозначно была воспринята якутами и русскоязычными. Если первые в основной массе безоговорочно поддержали этот процесс, то среди вторых было немало возражающих, даже открытых противников. Именно сентиментальная привязанность якутов к республике, повысившей свой статус, идентификация себя с ней, были основой легитимации в первые годы суверенитета. И в дальнейшем это в значительной степени укрепляло позиции власти, обеспечивало поддержку населения. Якуты, в основной массе имевшие сельскую психологию, проявляли то, что с некоторыми оговорками может быть названо бескорытием, альтруизмом по отношению к республиканской власти. Вообще отношение якутов к власти можно понять и в контексте известной типологии М. Вебера – успех традиционной и харизматической легитимности с соответствующими лидерами, дополненный идеологической и персональной легитимностью³⁷. Фактор инструментальной привязанности, т.е. предоставление материальных и иных благ, условий в какой-то мере смягчил, изменил первоначально негативное, недоверчивое отношение к якутской власти в период суверенитета у большинства русскоязычного населения. Многие из их числа не имели оснований отождествлять себя с республикой, и с этим фактом следовало считаться.

В конце гражданской войны провозглашение Якутской АССР привлекло к большевистской власти большинство якутов, забывших из-за этого тяжкие обиды, недавно нанесенные им этой властью. Повышение статуса республики в связи с суверенитетом 90-х годов вы-

³⁶Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. –М.: Мысль, 1996. –С. 105.

³⁷ Там же.

звало у многих состояние своеобразной эйфории, энтузиазма, породило различные ожидания и надежды. Даже то обстоятельство, что основной массе народа пришлось довольствоваться внешней стороной процесса суверенизации – праздниками, конференциями и собраниями, государственной символикой и декларациями – не прекратило довольно длительную и бескорыстную поддержку власти. И это наблюдалось в то время, когда экономическая основа республики, богатства недр и другие ресурсы переходили под власть ведомств³⁸.

Обращаясь от экономики к культуре и образованию, к собственно политической сфере следует сказать, что появление института президентства и вступление М.Е. Николаева в должность первого Президента РС (Я) 27 декабря 1991 г. означало начало этапа реализации политической и экономической самостоятельности в составе обновляющейся Российской Федерации. Президентом М.Е. Николаевым были изданы указы об укреплении и развитии здравоохранения, о народном образовании, о поддержке науки и высшей школы и др. Использование природных ресурсов в интересах всех жителей Якутии должно было стать основой социальной политики. Народное одобрение вызвало строительство крупных и дорогостоящих объектов (вроде Медицинского центра и др.) – полезных и перспективных, востребованных после многих лет прекращения масштабного строительства³⁹.

В заключение можно констатировать, что якутский суверенитет в составе РФ, несмотря на срок чуть больше десятилетия, дал немало полезного для якутского народа, коренных малочисленных народов Крайнего Севера, русскоязычного населения республики. Якутия не вышла из состава России, не стала одной из горячих точек, очагов конфликтов, не превратилась в депрессивный регион с быстро сокращающимся населением. В дальнейшем изменение вектора российской политики привело к упразднению республиканского суверенитета, но некоторые реальные его достижения не были вытравлены. Опыт 90-х

³⁸Винокурова У.А. Сказ о народе саха. –Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик» 1994. –С. 84.

³⁹ Иванов В.Н. Лидер и общество (Институт президентства) // Республика Саха (Якутия): путь к суверенитету. –Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. –С. 110-121.

годов не прошел даром, территория, хоть и с немалыми потерями и трудностями, вступила в новый век с определенными базой и потенциалом, наработками, часть населения приобрела новые навыки и качества. Республика Саха (Якутия) – не только крупнейший по территории субъект РФ, богатейшая минерально-сырьевая база, но и национальная республика, и территория межнационального взаимодействия. Поэтому следует подумать над тем, что было опубликовано уже более 15 лет назад: В концепции Государственной национальной политики РФ есть теоретически неверное положение, “что современные тенденции межнациональных отношений должны обязательно привести к противоречиям. Как известно из практики межнационального общения, не тенденции межэтнических отношений ведут к конфликтам, а механизм их разрешения. Кроме того, принципы государственной национальной политики подменены правовыми нормами”⁴⁰.

⁴⁰ Петров Ю.Д. Государственная национальная политика – фактор становления гражданского общества //Логос. Культура. Цивилизация. –С. 120.

Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОПОЛИТИКИ КАК УЧЕНИЯ

§2.1. Этнополитика – теоретические и методологические основы

Приступая к рассмотрению понятия этнонациональной политики, следует отметить, что сам феномен этнического в политической сфере общества дискутировался давно в области философии и социальных наук. Еще на заре зарождения Просвещения и Нового времени европейское сознание не считало этот вопрос самым важным и не ставило во главу угла при изучении социально-исторического прошлого человечества. Но вместе с тем, некоторые мысли и идеи по данной проблематике и споры вокруг этнонациональной составляющей вопроса о власти можно найти у многих мыслителей этого времени, например, в наследии немецкой классической философии.

В многонациональной и многоконфессиональной России проблема соотношения национального и интернационального, этнического и наднационального в политической жизни общества время от времени возникала в научной литературе с разной степенью заинтересованности и актуальности. Но зачастую она воспринималась как уязвимая и болезненная составляющая общественной жизни, напрямую связанная с политической волей господствующей идеологии и поэтому, при смене умонастроений во властных кругах, постепенно затухала. Порой сами понятия, такие как этнонациональная политика, этнокультурная политика, этнополитический процесс, региональная этнополитика воспринимались как вызывающие или угрожающие этнонациональному единству российских народов и по этой причине представлялись для исследователей опасными и неполиткорректными. Некоторый интерес к данной сфере стал актуальным в конце XX – начале XXI века и воспринимался как «этнический ренессанс» или «этнический парадокс»⁴¹. Но нам кажется, что исследования в области эт-

⁴¹ Мусин Д.А., Василенко Ю.В. Региональные модели этнокультурной политики как предмет сравнительного анализа // ARS ADMINISTRANDI. 2010. № 1. –С. 44-59.

нонациональной и этнокультурной политики имеют большую ценность в теоретическом плане и могут оказаться востребованными в области практического воплощения.

Представление великого немецкого философа Иммануила Канта об историческом развитии сложилось в рамках европейского энциклопедизма: общественное развитие есть единый процесс развития от «естественного состояния» дикости до создания рациональной цивилизации. Не разделяя господствовавшего тогда гердеровского исторического оптимизма, он, тем не менее, признавал практически неосуществимую космополитическую идею объединения человечества в рамках «всемирно-гражданского общества» в качестве регулятивного принципа европейской политики. Учение немецкого философа об обществе, государстве и праве отличается чрезвычайным историзмом и динамизмом: всемирное развитие он рассматривает как развивающуюся и диалектическую систему, которое приведет, в конечном счете, к осуществлению некоей общей для всего человечества разумной цели. Этот процесс имеет законосообразный характер, указывая на большое значение «необщительной общительности»⁴² в общественных отношениях, способный привести к всеобщему правовому состоянию, при котором антагонизм и противоречия будут ограничены правовыми рамками. Этими же законами человечество сможет обеспечить вечный мир между народами. «Вечный мир, который последует за мирными договорами (до сих пор их называли неправильно; собственно говоря, это были только перемирия), есть не пустая идея, а задача, которая постепенно разрешается и (так как промежуток времени, необходимый для одинаковых успехов, будет, видимо, становиться все короче) становится все ближе к осуществлению»⁴³.

В одном из последних своих сочинений «послекритического» периода «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) Кант утверждает, что «смешение племен (при больших завоеваниях), кото-

⁴² Кант И. Сочинения в шести томах / Под общей редакцией В.Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т.И. Ойзермана Серия Философское наследие. -М.: Мысль. -Т.6. 1966. –С. 11-13.

⁴³ Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. –СПб.: Наука, 2001. –С. 441.

рое постепенно стирает характеры, вопреки всякому мнимому человеколюбию мало полезно человеческому роду»⁴⁴.

Именно характер народа представлялся ему той исторической субстанцией, которая подлежала культурной трансформации с целью достижения морального совершенства, проявляющегося в уважении к свободе других, в «учтивости и вежливости», образующего масштаб для определения степени цивилизованности того или иного конкретного народа. Кант пытается в своей теории сблизить позиции индивидуальной моральности с общественной нравственностью, морального сознания общества с высокими нравственными идеалами государства. «И. Кант реально представлял и отлично понимал опосредованность связи этических принципов с созданием международного права как состояния, в котором только и могут должным образом развиваться человеческие способности»⁴⁵.

Норберт Хинске, получивший известность исследованиями произведений И. Канта и философов эпохи Просвещения считал, что (убрать у) немецкий философ везде проводит четкую взаимосвязь между собственно отдельной и конкретной моральностью человека и осуществлением ее в рамках государства или общества. При этом сферы культуры, цивилизации и морали, как трехчленное деление практики, имеют прочную связь с антропологией. А конечной и высшей целью истории является счастье человеческого рода, обеспеченное его моральностью, так как эти дисциплины, рассматриваемые в целостности в кантовской практической философии, подчиняются философии морали⁴⁶. (Это непонятное предложение) Хинске использует также внесенные Кантом в понимание общеисторического процесса моральные принципы для решения практических задач – иско-

⁴⁴ Кант И. Сочинения в шести томах / Под общей редакцией В.Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т.И. Ойзермана Серия Философское наследие. -М.: Мысль. -Т.6. 1966. -С. 573.

⁴⁵ Старостин В.П., Петров В.В. Трактат «К вечному миру» Иммануила Канта и современность // Глобальный научный потенциал. –СПб.: ТБМпринт. 2013. №3(24). –С. 38.

⁴⁶Hinske N. Kant als Herausforderung an die Gegenwart. -Freiburg; -Munchen: Alber, 1980. –S.120.

рения гражданской незрелости и политической пассивности, нигилизма и безответственности.

При определении степени цивилизованности конкретного народа Кант считает самым необходимым для исследования именно характер отдельно взятого народа, утверждая национальный характер того или иного образа политического сознания. Он считает бессмысленным утверждение о том, будто бы характер народа зависит от формы правления, «...это ни на чем не основанное и ничего не объясняющее утверждение; в самом деле, откуда же сам этот образ правления получил свой специфический характер? – Климат и почва также не дают ключа к этому: переселения целых народов доказали, что эти народы на новых местах не изменяли своего характера, а только старались приспособить его к новым условиям и что при этом в языке, в роде занятий, даже в одежде все еще видны следы их происхождения и тем самым и их характер»⁴⁷.

Оставаясь на позициях европоцентризма, Кант выделял жителей Англии и Франции как двух самых цивилизованных народов и считал естественным и закономерным путь от «грубого естественного состояния к гражданскому», склоняясь к отождествлению политики развитых для того времени европейских стран, с правовым государством и гражданским обществом. При этом И. Кант считал возможным в рамках этого идеального сообщества принуждение, сочетаемое со свободой выбора и законом.

Другой знаменитый немец И.Г. Гердер, философ и богослов, историк культуры и яркий представитель позднего Просвещения, выступал против излишнего, с его точки зрения, рационализма и догматизма, в пользу свободного религиозного сознания и живой веры индивида. Как исследователь всемирного развития человеческого сообщества он ставил вопрос существования общих для всех народов законов прогрессивного исторического бытия в пространстве и времени. Он, кстати, первым привлек внимание науки к фольклору как про-

⁴⁷ Кант И. Сочинения в шести томах / Под общей редакцией В.Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т.И. Ойзермана Серия Философское наследие. –М.: Мысль. Т.6. 1966. –С. 564-565.

явлению истинного и уникального духа конкретного народа. Его культурологический европоцентризм не был классическим. Сознывая присваивающий характер современной ему экономики, он пишет: «... европейские государственные организмы – это звери, которые ненасытно поглощают все чужое, все доброе и злое: специи и яды, чай и кофе, золото и серебро, - в своем лихорадочном состоянии проявляя чрезмерную возбужденность; не то восточные страны – они полагаются лишь на свое внутреннее кровообращение. Жизнь замедленная, как у ленивцев, но зато она уже длилась долго и еще долго будет длиться, если только внешние обстоятельства не погубят спящее животное»⁴⁸.

Гердер в своей философии истории оставался верным сыном своей эпохи и верил в существование единой цепи культуры, которая бы соединяла все нации и народы, все расы и страны. Он утверждает, что «величие Европы покоится на фундаменте знания, неутомимой деятельности, изобретательности, на всеобщем солидарном старании и соревновании». Он не верил в развитие цивилизации (например, «статичные и неизменные цивилизации» Америки и Азии), но допускал, что со временем, под сенью христианского гуманизма все нации и народности образуют или сложатся в один-единственный народ, «счастливый в современном и будущем мире»⁴⁹.

Объясняя разнообразие культурной жизни людей на разных континентах он отмечал, что «скудность жизни и сама эта сторона превратила людей в варваров; привычный бездумный образ жизни утвердился у племен, живущих обособленно или постоянно кочующих с места на место, и так, на правах очень грубых, сложился тот, можно сказать, вечный национальный характер, что во всем отличает племена северной Азии по сравнению с южными народами»⁵⁰.

Связь типа цивилизации с национальным характером, детерминированность сознательной жизни с местом жительства являются

⁴⁸ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. и примеч. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – С. 313.

⁴⁹ Там же. – С. 477.

⁵⁰ Там же. – С. 290.

свойственными для немецкого буржуазного сознания. Нам достаточно вспомнить слова И. Гете о том, что в мыслях и душах людей обязательно откладывается отпечаток природы, рельеф и климат. И что человек, который живет среди могучих и мрачных дубов имеет совершенно иное мироощущение, чем представитель народа, обитающего среди легкомысленных березок.

И все-таки вряд ли И. Гердера можно считать сторонником и приверженцем расовой теории, все-таки его социально-культурное учение полно оптимизма и веры в лучшую судьбу всех народов земли и пронизано уточненным духом спиритуализма, признающего мощное влияние «почвы», географической среды на жизнь и развитие нации.

Гегель, в отличие и от Канта, и от Гердера, не считал национальный характер и менталитет народа неизменной данностью. Признавая природный дух, живущий в сознании любого народа, он видел в разуме любого индивида саморазвитие и самоосвобождение духа от заранее заданных априорных данных, сковывающих сознание. Высоко оценивая древнегреческую античность, он говорит: «Еще гораздо большее многообразие национального характера видим мы у христианских народов Европы. Основное определение в природе этих народов есть преобладающая у них сосредоточенность на своем внутреннем мире, уверенная в себе субъективность»⁵¹.

Эта субъективная уверенность, по мнению Гегеля, в свою собственную правоту и дало возможность западноевропейским народам сложиться как суперэтнос, образовать государство в форме правового и гражданского сообщества, а всем остальным народам приходится довольствоваться возможностью приобщиться к ним и повысить, таким образом, уровень своей цивилизованности.

В России увлекались немецкой классической философией, и восхищались ее представителями, и многие русские мыслители были продолжателями их идей. И это закономерно: еще со времен Петра Великого существовало своеобразное преклонение перед всем евро-

⁵¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. -Т. 3. -М.: Мысль, 1977. -С. 65.

пейским. Интерпретируя довлевшие тогда культурно-исторические теории, многие из них сложили свои оригинальные теории относительно этнокультуры, национальной идентичности, моделей исторического развития народов.

Но из всей этой плеяды выдающихся русских исследователей своей научной уникальностью и оригинальной интерпретацией выделяется теория крупнейшего русского мыслителя Н.Я. Данилевского. Его нельзя считать ни западником, ни славянофилом, в споре «запад-восток» он никогда не примыкал ни к одной из сторон, всегда держался в стороне. Он, задолго до модных сегодня Шпенглера и Тойнби, сложил свою концепцию культурно-исторических типов общества. Он выдвинул плюралистическое понимание исторического развития общества, согласно которому «человечество подразделяется на несколько совершенно автономных образований, каждое из которых имеет свою собственную, абсолютно самостоятельную историю. Каждое из этих исторических образований возникает, развивается и рано или поздно с неизбежностью гибнет. На смену погибшим образованиям приходят новые, которые совершают точно такой же цикл»⁵².

Данилевский призывает не смешивать географическое понимание Европы с культурно-историческим понятием. В своем знаменитом научном труде «Россия и Европа», он пишет, что в культурно-историческом плане «Европа есть поприще германо-романской цивилизации, ни более, ни менее; или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть германо-романская цивилизация. Оба эти слова – синонимы»⁵³. Он убежден: Россия не есть скромный придаток Европы, а представляет собой совершенно иной, другой культурно-исторический тип. Европа считает Россию недостаточно цивилизованной и потому, препятствующей распространению европейского влияния, ее духовных и материальных ценностей. Вот по-

⁵²Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: «Современные тетради». 2003. – С. 56.

⁵³Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991.

этому она часто враждебно относится ко всему российскому и русскому.

Нельзя не согласиться с мнением Данилевского о том, что в центре общественного развития, на первый (убрать ее) план ставится индивид – с его правами и свободами, интересами и потребностями. Персонализм и индивидуальность есть основа европейской цивилизации. Отсюда исходит и то первостепенное значение, которое уделяется демократии, то первоочередное внимание, которое придается гражданским правам. Например, в формировании культурного пространства европейского континента велика роль Франции. Как пишет наш соотечественник: «...Все, что волнует Францию, все, что идет из нее, имеет по необходимости отголосок, как нечто свое, родное, и в германском и в романском мире...»⁵⁴. Различные теоретические идеи и технические новшества, выдвинутые французскими учеными и изобретателями, впоследствии стали общеевропейскими и получили повсеместное распространение. Так что можно смело утверждать, считает Данилевский, собственно национальные цели и задачи в европейском пространстве отступают как бы на второй план. А (убрать на) вперед выдвигаются научно-теоретические, религиозные, социальные и другие задачи, не имеющие собственно национального характера и черт.

Нам стоит согласиться со многими рассуждениями русского ученого: действительно, Западная Европа, в новое время, представляет собой единое историческое, культурное, политическое и экономическое пространство. И это сказывается на всем: как на уровне научно-теоретическом, так и на уровне профанической повседневной жизни граждан. Говоря о европейцах, мы представляем не конкретно Жана или Ганса, Уильяма или Ромео. Их черты, в том числе в обыденном представлении, во многом едины. Описывая историю Франции, мы обязательно коснемся истории Англии и Германии, Голландии и Италии, так как без обращения к ним описание окажется недостаточным и отрывочным. Это не говорит, что жители Западной Европы лишены

⁵⁴Данилевский Н.Я. Россия и Европа. –М.: Книга, 1991. –С. 241.

этнической идентичности. Просто она совершенно отличается от российского социально-исторического типа. Россия, по убеждению ученого, изначально базировалась на народной основе, этнической самобытности каждого, вошедшего в (убрать это) политическую реальность народа. На первый план ставилась не личность, не индивид, а национальный дух.

Сравнивая церковную реформу на западе и введение православия в окраинах России, Данилевский убежден в ненасильственном характере его распространения. «Религия составляла и для русского народа преобладающий интерес во все времена его жизни. Но он не ожидал проповеди энциклопедистов, чтобы сделаться терпимым. Терпимость составляла отличительный характер России в самые трудные времена»⁵⁵. Рассматривая распространяющееся в то время черты религиозной нетерпимости, Данилевский говорит: «Славянские народы самую природою избавлены от той насильственности характера, которую народам романо-германским, при вековой работе цивилизации, удастся только перемещать из одной формы деятельности в другую»⁵⁶.

Анализируя петровские преобразования и модернизацию России, Данилевский видит в них не только позитивные, но и негативные моменты. В основном отстаивая прогрессивность проведенных в то время реформ, которые продвинули Россию вперед в своем социальном развитии, Данилевский говорит: «...В деятельности Петра необходимо строго отличать две стороны: его деятельность государственную, все его военные, флотские, административные насаждения, и его деятельность реформативную в тесном смысле этого слова, т. е. изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе. Первая деятельность заслуживает вечной признательной, благоговейной памяти и благословения потомства... Но деятельностью второго рода он не только принес величайший вред будущности России (вред, который так глубоко пустил свои корни,

⁵⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. –М.: Книга, 1991.–С. 187.

⁵⁶ Там же. –С. 189.

что досель еще разъедает русское народное тело), он даже совершенно затруднил свое собственное дело»⁵⁷.

Данилевский считал насильственным насаждение иностранного образа жизни и типа поведения, которое вначале коснулось высших слоев населения, но потом распространилась и на повседневную жизнь каждого россиянина. Все эти изменения он называет не иначе как «европейничанием». Россия лишилась, таким образом, возможности в дальнейшем развивать далее свое народное искусство и фольклор. Изменение образа жизни, форм хозяйствования и даже образа мысли, говорил Данилевский, приводит к глубокому и порой непреодолимому расколу внутри собственно народа. Верхние слои общества стали европейскими, и во многом считали себя не связанными более с низшими. Этот раскол приведет Россию к еще большей деградации: власть отделится от собственного народа и перестанет чувствовать чаяния и вековечные муки своего народа.

Теперь имущие, и прежде всего, власть имущие слои на все, что происходит во внутренней и внешней жизни России, будут смотреть, сличая себя с европейским образцом. «Этот взгляд, во что бы то ни стало старающийся подводить явления русской жизни под нормы европейской, делая это или бессознательно (вследствие иссякновения самобытного родника русской мысли), или даже сознательно (с тем, чтобы придать этим явлениям почет и достоинство, которого они были бы будто лишены, если бы не имели европейского характера), произвел много недоумения и неисчислимый вред на практике»⁵⁸.

Культурно-историческая теория Данилевского является совершенно оригинальным и своеобразным учением, которое содержит в себе огромное число интересных и, во многом, поучительных для российских реалий моментов и аспектов. В современной России происходят изменения, которые касаются самых основ существования нации и каждой народности, в ней проживающей. Изменения претерпевают материальные и духовные ценности, изменяется и образ жиз-

⁵⁷Данилевский Н.Я. Россия и Европа. –М.: Книга, 1991.–С. 266.

⁵⁸Там же. –С. 288.

ни, трансформируется сам тип поведения людей. К тому же эти преобразования носят глобализационный характер и совпадают с изменениями, происходящими в природной и климатической среде обитания. Многие народы, проживающие сейчас на огромных российских просторах, стараются приложить все усилия, чтобы в новых условиях не потерять своего уникального лица, своей неповторимой самобытной культуры, своих традиций и обычаев. Ведь каждый народ – есть часть общечеловеческой общности, и он вносит свой вклад в общечеловеческий капитал. И при этом представляет себя как самостоятельный социальный организм, имеющий право на свое собственное понимание, свое мировоззрение и мироощущение.

§1.2. Судьба этнополитических идей и движений в России

Основой любой этнокультурной политики является идеология, которой придерживается властная структура государства. Она должна быть представлена как особая нормативная система, содержащая ценностные и мировоззренческие принципы.

Надо сказать, что в данной сфере в современной российской политической науке сложилось два противоположных мнения по поводу мнения: первая утверждает как идея строительства гражданского общества на основе русской культуры (в широком смысле этого слова), в вторая придерживается той позиции, что гражданская нация должна складываться на основе этнических сообществ, входящих в Российскую федерацию наций и народностей.

Вторая точка зрения особенно популярная в этнонациональных республиках среди политологов титульной нации, требующей широкой поддержки со стороны федеральных властей и научных кругов. На наш взгляд, и, по мнению некоторых ученых, указанная позиция может быть названа как «российская модель мультикультуризма», отстаивающий общеизвестный принцип «единства в многообразии»⁵⁹.

Один из идеологов данного направления Нил Флигстин из Университета Калифорнии (Беркли, США), считает, что привилегированные сообщества первых европейских государств использовали их для достижения главенствующего положения в обществе. Идея о том, что человек и гражданин является источником и актором политических действий стал для малоимущих слоев населения идеологическим лозунгом. Для рабочего класса и пролетариев они стали основой для кровопролитной и неравной, порой, борьбы за свои права в данной области, за изменение распределения экономических ресурсов и возможности влиять на политику⁶⁰. Все политические потрясения и ре-

⁵⁹Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. –М.: РОССПЭН, 2002. – С. 59.

⁶⁰ Bendix R. National Building and Citizenship, New York: Wiley, 1954.

волюции XX века показали, что самом деле мы видим, скорее всего не желание предоставлять каждому или большому количеству людей (грубо говоря, «каждой кухарке») решать политические дела, а борьбу части населения, не имеющего доступа к власти, на расширение их полномочий в данной области. Люди не могут в равной степени выступать как политические акторы, в сущности происходила всего лишь перераспределение власти в пользу той или иной группировки. Повсеместно привилегированные группа отстаивали и защищали, прежде всего, свои права⁶¹. И эта борьба и положение дел находят свое место в институциональной политической структуре США и стран Западной Европы и сегодня⁶².

Для России, как страны исторически складывавшейся как объединение многих наций и народностей, как государства многоконфессионального вопросы национальной политики, различного рода национальные идеи имели и имеют особенное значение. Но мы, наверное, не уйдем далеко от истины, если скажем, что открытая дискуссия по проблемам этнополитики началась не так давно, хотя попытки разработки теоретических основ этнической политики как в рамках единого государства, так и на поле региональной политической жизни предпринимались еще век назад. К тому же, из-за того, что в состав России, порой, не всегда добровольно, входили страны, которые имели сильные правящие элиты, сложившуюся этнонациональную интеллигенцию, отстаивавшие свои национальные права. В рамках самодержавной власти и тоталитарной системы все эти дискурсы могли восприниматься не иначе как сепаратизм и такого рода теоретизирование возможно было либо нелегально, либо вовремя в переходные моменты, когда власть предрасполагавшая хотела для удовлетворения своих узко корпоративных интересов начинать разыгрывать национальную карту.

⁶¹Bourdeu P. Homo Academicus. Stanford, ca: Stanford University Press, 1988.

⁶²Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. Т.2, № 4, 2001. –С. 36.

Этноконфессиональное многообразие, неравномерное хозяйственно-экономическое, общественно-политическое и социально-организационное развитие России порождало для правящей верхушки массу серьезных вопросов и нерешенных проблем. Их незамедлительное разрешение требовало от власти, как решительности, так и гибкости. Некоторым представителям этнонациональных окраин с сильными политическими элитами, как в Российской империи, так и в период развития в рамках СССР, в отдельных случаях удавалось добиться уступок со стороны центра.

Интеллигенция, как выразитель национальной идеи, всегда участвовала в общественно-политических движениях национальных российских окраин, правда их роль не всегда была однозначной и односторонней. Понимая свою уязвимость, особенно в сфере материальной обеспеченности, доступа к благам и заботы о будущих поколениях, данной прослойке населения приходилось постоянно лавировать между противоречиями: от индифферентности к этнической проблематике до крайнего этноцентризма, от поддержки одних народов до дискриминации других наций, от ассимиляции до политической изоляции. В том, каково было поведение этнокультурных элит, особую сложность придавал тот факт, что некоторые регионы явно нуждались в поддержке сильной центральной власти (например, Закавказье, Сибирь, Север, Средняя Азия), а другие не только не отставали, а в отдельных сферах превосходили уровень развития метрополии (например, Финляндия, Польша, Прибалтика).

Основным приоритетом практически всех правителей Российской империи нового времени было всемерное и полновластное утверждение царизма и самодержавия, укрепление авторитета и позиции православной церкви с поддержкой, в некоторых случаях, русского великодержавного шовинизма в культурной и хозяйственной жизни. Это вызывала естественную негативную реакцию со стороны наций и народностей, которые считали себя ущемленными в рамках имперской власти.

При этом, не секрет, что кажущаяся легитимность политических решений царской власти в области национальной политики соседство-

вало с полным беззаконием в обыденной жизни людей, например, в судебных спорах и разбирательствах, если в нее были вовлечены представители великоросской нации и инородцы, как называли коренных жителей Севера и Сибири.

Говорят, что когда сын Николая I – будущий император Александр II – в своем выступлении заявил, что российская «многоликая семья народов» держится на «самодержавии и законах», якобы, царь гневно отреагировал на это фразой: «Законами – нет! Только самодержавием и вот чем, вот чем, вот чем!» и трижды взмахнув при этом рукой.

Например, в первой половине XIX века остро стоял так называемый «польский вопрос», основным содержанием которого было недовольство поляков, связанный с потерей государственности и явными нарушениями положений Конституции Царства Польского, дарованной Александром I в 1815 году, допускаемыми преемниками. В Польше существовали множество тайных обществ, которые ставили задачу возвращения национальной политической независимости страны в границах 1772 года – Великой Польши. Надо сказать, что национальная интеллигенция этой российской окраины всецело поддерживало национально-освободительную борьбу своего народа и возглавило ее. Впоследствии, многие из них были репрессированы и сосланы, в том числе и в далекую Якутию.

Кстати, сосланные в эти края поляки продолжали свои теоретические исследования, занимались научной практикой и учительствовали, как в частном порядке, так и в государственных школах. Многие представители интеллигенции народа саха именно у них учились грамоте, азам научных изысканий и навыкам, формировавшим их мировоззрение. Можно говорить о большом вкладе и широком спектре влияния польских, наряду с представителями других народов, вольнодумцев-ссылных на умы и воззрения становящейся якутской национальной интеллигенции.

Для Российской империи еще одним острым вопросом, не менее злободневным и опасным, был «еврейский вопрос», хотя представители этого древнего народа составляли около 2,5% от общей чис-

ленности населения. Они не требовали, как другие народы, политической независимости, либо экономической самостоятельности. Однако, своеобразии исторического пути этого народа, специфика их мировоззрения и веры, неотступность от своих традиций и обрядов – все это делало тщетными желания и действия царского правительства русифицировать и ассимилировать их. Тогда русское правительство вынуждено было прибегнуть к дискриминационным мерам по отношению к еврейскому населению и начать формирование так называемой «черты оседлости» в местах их компактного проживания, где они свободно могли вести хозяйственную деятельность и исповедовать иудейскую веру. При этом, правительство не оставляло свои попытки экономическими мерами поощрять переход в православие в делах духовных, а в политической сфере – юридические функции кагала (еврейской общины) передать государственным органам. Достаточно сложными оставались вопросы взаимоотношений русского правительства и по отношению к другим конфессиям и вероисповеданиям⁶³.

Надо сказать, что этнополитические движения в России и национальная политика дореволюционного правительства широко обсуждались в научных кругах зарубежья, особенно после октябрьского переворота, когда за рубежом оказалась масса сторонников как царского управления, так и тех, кто обвинял власть в событиях 1917 года. Попытки объективного анализа национальной политики, этнополитического содержания распространенных в стране национальных идей и политических движений этнической направленности привели западных историков, этнографов, к однозначной оценке внутренней политики Российской империи русификаторской, объясняемым ростом русского национализма. Но некоторые зарубежные коллеги в последнее время несколько изменяют антирусский тон, например, Эрик Хобсбаум высказывает мнение о том, что не все отдельные окраины

⁶³ Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII-начале XX в. Автореферат...д-ра. ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2007; Курило О.В. Лютеране в России. XVI-XX вв. – Волгоград: Фонд Лютеран. наследие 2002.

ставили вопрос об отделении и предоставлении политической самостоятельности⁶⁴.

Как ни парадоксально, но в этой оценке зарубежные исследователи оказались единодушны с точкой зрения советских ученых, считавших Российскую империю «тюрьмой народов», а политику – однозначно антинародной и шовинистической, направленной против всех наций и народностей, проживавших в России.

Но в последнее время мы замечаем более широкие взгляды на данную проблематику. Например, Марк фон Хаген⁶⁵ считал, что русификация вызвана желанием решать глобальные политические проблемы. Традиционная российская веротерпимость и покровительственное отношение к малым народностям обеспечивала внутри страны сплоченность. Русификация позволяла приблизить народы к более высокой русской культурной среде. Правда, в период правления предпоследнего императора – Александра III эта политика сменяется насильственной русификацией и желанием слияния всех российских народов в некую единую национальность. Это очень походило на эффективные методы угнетения, которые применялись в Эльзасе и Лотарингии германскими властями. В российском варианте, как мы полагаем, проистекала из неправильно понятого православного патриотизма и прямолинейного понимания несколько «дубового» представления императора о межнациональных отношениях. К тому же податливость российской бюрократии, чиновничьего аппарата на местах доканчивали такого рода своеобразное этнонациональное управление. Русский царь, не имел гибкости понимать сложность имперской национальной конструкции и исходил из простой мысли о том, что Россией должны управлять русские и поэтому на всех российских окраинах – от Польши до Чукотки, от Финляндии до Туркестана – народы, имеющие различные исторические, этнические, конфессио-

⁶⁴Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева. – СПб. :Алетейя, 1998.

⁶⁵Hagen M. von. Empires, Borderlands, and diasporas: Eurasia as anti-paradigm for the post-Soviet era // American hist. Rev. - Wash. , 2004. - Vol. 109, n 2. –P. 445-468

нальные корни и истоки, относящиеся к разным культурам и цивилизациям должны были подвергаться русифицированной нивелировке.

Уже в этот период началось урезание действительно широких прав и свобод, предоставленных народу Великого княжества Финляндского. При новом императоре – Николае II предполагалось изменить то отношение, которое существовало до этого, со времен императрицы Екатерины и императора Александра Вторых: в феврале 1899 года был опубликован манифест, по которому великий князь мог издавать законодательные акты без согласования с финскими представительными органами. Это было явное нарушение существовавшего до этого правового паритета в отношениях метрополии и доминиона. А изданный в начале нового века манифест о языке объявил русский язык третьим официальным, наравне с финским и шведским. А закон о призыве ликвидировал отдельные финские вооруженные силы в составе российских армейских подразделений. Также резко были ограничены права финского сейма в пользу российской державной думы. Начались, естественно, репрессии против националистических движений Финляндии, объявленных однозначно сепаратистскими. Только выход из состава России, в соответствии спровозглашенной большевиками в октябре 1917 года Декларацией прав народов России⁶⁶ обеспечил Финляндии свободу и независимое развитие в семье европейских народов.

Польша, поделенная на три части еще в конце XVIII века в последние годы царской власти также подвергалась русификации: сама область была переименована в Привисленский край, польский язык начал исчезать из школьных и университетских программ. Преследованиям подвергалась католическая церковь, имевшая и имеющая колоссальное влияние на польское общество, даже в период просоветского коммунистического строя в Польской Народной Республике.

Все эти действия царской власти, нацеленные на нивелирование национального и этнического встретило нарастающее сопротивление

⁶⁶Декларация прав народов России // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1969—1978.

в финском и польском сообществах. Для ориентированных на западную мультикультурную цивилизационную перспективу народов это бы обозначало полную потерю национальной идентичности и равносильно гибели. Но надо сказать, что эта политика была изначально провальной из-за сильной национальной буржуазной интеллигенции, которая смогла сцементировать вокруг себя все здоровые национальные силы и дать отпор любым попыткам ассимиляции, откуда бы они ни исходили.

Современный историк, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Петрозаводского государственного университета Илья Соломещ пишет, что петербургские чиновники совершенно не понимали, почему финны ополчились против унификации законодательных и правовых актов. А они вовсе не были направлены на то, чтобы превратить финнов в русских⁶⁷. Ведь с их точки зрения, речь шла, пока, по крайней мере, только о трансформации правовых основ, на которую Российская власть имела все полномочия. Но в Финляндии все это было воспринято как покушение на суверенитет, национальное единство и этническую идентичность.

Несколько иначе складывались этнонациональные отношения на Украине. Присоединивший добровольно к России народ Малороссии всегда чувствовал историческое и духовное единство с великороссами и братские отношения между ними были вполне предсказуемыми. Но в 1876 году по предложению бывшего министра внутренних дел П.А. Валуева на Украине был запрещен к употреблению украинский язык, который, с точки зрения правительственных чиновников, был искусственно создан антирусски настроенной австрийской интеллигенцией из Львова. Таким образом, ранее лояльный и культурнический украинизм начинает обретать явно антирусские оппозиционные черты и характеристики. Сильную социальную базу для конфликтов и раздоров на межнациональной основе в западных обла-

⁶⁷Соломещ И.М. Обретение Финляндией независимости в освещении российской историографии // Альманах североевропейских и балтийских исследований / NordicaandBalticStudiesReview. –Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2017. Вып.2. –С.430–437.

стях Малороссии создали тогда (надо сказать, что и сегодня создают) для сильной националистически настроенной интеллигенции насильственная русификация школьного образования, патерналистское отношение ко всему украинскому, неумелое вмешательство государства в дела церковные. Ошибочность такой государственной политики в данном направлении и признание необходимости некоторых уступок в решении национального вопроса высказывал сам автор вышеуказанного предложения в своих записках⁶⁸.

Попытки государственных властей по отношению к национальным окраинам и неумелые действия правительства найти свой подход к национальному вопросу оказались безуспешными по всей Российской империи – на Кавказе, в Крыму, в Средней Азии, Поволжье и Сибири. Казенный великоросский национализм и шовинизм породили массу конфликтов и неприязнь инородцев к дореволюционному царскому режиму. Это не добавило России ни материальной мощи, ни духовного подъема, ни морального авторитета. Когда решение проблем в этнонациональной сфере поручали чиновникам, то оно в обязательном порядке терпело фиаско. Вместе с тем, как ни парадоксально, все предпринимаемые чиновниками меры были чужды истинно русскому духу нравственности, народным представлениям о дружбе, справедливости и братстве. Сама русская нация не нуждалась ни в каком искусственном покровительстве или великодержавной шовинистической идеологии. Сами русские, совершившие огромную модернизацию экономической сферы и большой рывок в культурном развитии в конце XIX столетия, ожидали ренессанса и прогресса в новом зарождающемся веке и с надеждой смотрели на свои будущие перспективы.

Британский историк, теоретик и критик национализма Эрик Джон Хобсбаум несколько разнообразил представления о национальной политике царской России и этнополитическом движении ее окра-

⁶⁸Валуев П. А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. –М: Издательство Академии Наук СССР, 1961

ин: он ставит под сомнение само стремление этих регионов к независимости и образованию самостоятельных государств⁶⁹.

Профессор Венского университета, член Австрийской Академии наук, историк российской тематики Андреас Каппелер рассматривает этнические проблемы в России, сравнивая «уровни давления» со стороны администрации на различные национальные группы⁷⁰. В статье, посвященной этнической истории и национальному самосознанию чувашского народа он развешивает свою идею «народа в тени истории». Далее он прослеживает основные моменты, когда этот поволжский народ «появлялись из тени и заявляли о себе»⁷¹. Глас народа прозвучал в восстаниях XVII–XVIII вв. – следствия вторжения в чувашскую деревню царской администрации и церкви, расцененного жителями как прямое покушение на систему их ценностей, то есть на ядро самобытной культуры и основу идентичности. Но только революционные события 1917 года дали народу предпосылки для выдвижения своих представителей на публичные позиции, в первую очередь, через административные должности и посты, военную службу и образовательную систему. Известно, что Каппелер считал двадцатые годы XX века «золотым периодом» национальных отношений⁷². Образование своей национальной автономии дало возможность реализовать политику «коренизации» кадров, публичной сферы, увеличению численности своей этнической интеллигенции, развитию культуры и языка. Вместе с тем, советская культурная революция и связанное с ней «нациестроительство и сфера национального заканчивалась там, где царили советский порядок и идеология»⁷³.

⁶⁹Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. А. А. Васильева. - СПб.: Алетей, 1998.

⁷⁰Каппелер А. России - многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. -М.,: Прогресс-Традиция, 1997.

⁷¹Kappeler A. Die Tschuwaschen. Ein Volk im Schattender Geschichte. Köln, Weimar, Wien: BöhlauVerlag GmbH & Cie, 2016. –С. 44.

⁷²Каппелер А. Россия - многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. -М.: Прогресс-Традиция, 2000. –С. 274-276.

⁷³Kappeler A. Die Tschuwaschen. Ein Volk im Schatten der Geschichte. Köln, Weimar, Wien: BöhlauVerlag GmbH & Cie, 2016. –С. 174.

Проведенная в конце двадцатых сплошная коллективизация в значительной степени разрушила веками складывавшиеся самобытные хозяйственно-культурные традиции многих российских народов, уничтожив тем самым, сами истоки этнической интеллигенции. Последовавшая затем политическая репрессия тридцатых уничтожила и саму эту прослойку. И потому многие народы России стали соответствовать репутации тихих и миролюбивых провинциальных граждан⁷⁴. Провинциализм стал фактором и политическим, и духовным, и культурным. Рассматривая эту проблему в более широком аспекте, профессор Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, доктор философских наук Виктор Михайлов считает, что «Провинциализм превращается в синдром, когда начинает преобладать осознание не только своего региона, но и всей России провинцией мира»⁷⁵.

Далее автор указывает, что у народа напрочь утрачивается желание и способность жить своим умом и трудом. Глобализация и научно-техническое развитие, увеличение мобильности населения ставят на второй план вопрос об этничности, о национальной идентичности. Потеря многими современными молодыми людьми понимания роли своей национальной принадлежности может стать основой психологических и мировоззренческих проблем подрастающего поколения. И действовать разрушающе на формирование и становление человека как личности.

Этническая политика является целенаправленной стратегией современного полиэтничного государства по налаживанию и регулированию национальных отношений. В принципе, сегодня практически не осталось ни одной мононациональной страны, таким образом, любое демократическое государство должно иметь свою стратегию в данной сфере. Она включает в себя, главным образом, совокупность методов и средств по достижению целей и задач этнической стабиль-

⁷⁴Kappeler A. Die Tschuwaschen. Ein Volk im Schatten der Geschichte. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2016. – С. 205.

⁷⁵Михайлов В. Д. Провинциальный синдром: истоки проблемы // Якутский философский журнал. №2, 2019. – С. 35.

ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

ности и единства общества. В свою очередь этническая политика организует и мобилизует культуру и образование для формирования высокого уровня этнополитической культуры у населения.

§1.3. Этнополитика в современном политическом, социальном и философском измерениях

Возрастание роли этнонационального фактора в современном мире является без сомнения актуальной проблемой для всех без исключения стран, в том числе, а возможно и особенно, развитых и демократических. Этому способствует либерализация эмиграционного законодательства, дальнейшее экономическое отставание стран третьего мира, глобализационные и миграционные процессы современного мира. Социологи считают, что в период экономического и политического кризиса, ломки устоявшихся форм взаимодействия и функционирования сообществ внутри стран и между государствами неизбежно происходит переосмысление и изменение норм, традиций и ценностей, в том числе и национальных. Западное общественное сознание, воспитанное на неприкосновенности и святости прав личности, психологии и этики персонализма, философии прав потребителя постоянно требует не только сохранения, а уже всеобщей поддержки и насаждения своей идентичности. К тому же, зачастую теневые игроки на политической арене зачастую специально разыгрывают национальную карту, играют на национальных и конфессиональных чувствах для получения преференций и выгоды в борьбе за власть. Таким образом, можно смело говорить, что фактор этничности – это не только, и не столько форма социальной, культурной и личностной самоидентификации, а сколько и огромной потенциальной силы политический ресурс. И характер его воздействия на общество, на государство будет зависеть от того: кто, когда и в каких целях воспользуется возможностью его применения.

Для обеспечения прогрессивного развития, достижения этнонационального единства и национальной безопасности современное общество нуждается в постоянном мониторинге межнационального и этноконфессионального взаимодействия внутри страны. Вот почему государство не должно бояться исследований и теоретических изысканий в данной области для формирования своей этнической политики.

Отношение к этнополитике, как части и разделу политической науки, было разным как у нас, в среде отечественных философов, политологов и социологов, так и у зарубежных ученых. И если в России этот вопрос стал активно обсуждаться только в начале 1990-х годов, то в мире – этот вопрос дискутируется давно. Но единая точка зрения отсутствует до сих пор. Например, «главный представитель социобиологического подхода к этничности и национализму»⁷⁶ Пьер ван ден Берге считает, что самое важное в этнополитике – это взаимоотношения государства с этническими общностями, их взаимодействие⁷⁷.

В своей нашумевшей статье «Раса и этничность: социобиологическая перспектива»⁷⁸ он предлагает отойти от укоренившегося в научной среде подозрительного отношения к этносу как социальному феномену. А биолого-эволюционный подход, с позиций междисциплинарного метода изучения дает возможность «демистифицировать», в том числе, и национальные отношения, раскрывая истинные истоки общественной жизни.

Известный отечественный социолог Жан Тощенко считает, что «этнонациональную политику можно определить как целенаправленную деятельность по регулированию проблем, связанных с реальным, ожидаемым или мнимым неравенством социальных групп по этническому или национальному признакам»⁷⁹.

Но данное определение нам кажется несколько узким. Так как вопрос о национальном ущемлении изначально рассматривается как конфликтный, то по этой причине заранее упускаются иные вопросы, которые касаются непроблематичной стороны межнациональных отношений.

⁷⁶Смит Э. Национализм и модернизм. –М.: Практикс, 2004. –С. 271.

⁷⁷Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М.: Аспект-пресс, 1997. –С. 97.

⁷⁸ Берге в.д.П. Раса и этничность: социобиологическая перспектива // Вопросы национализма. №4(20), 2014. –С. 89-99.

⁷⁹Тощенко Ж. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. –М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. –С. 136.

Профессор, доктор социологических наук Леонид Савинов замечает, что «этнополитика — это конкретная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, направленная на регулирование этнонациональных отношений»⁸⁰. Это определение он относит к этнополитике в широком смысле, а в узком смысле этнополитика им определяется как конкретную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, регулирующих этнонациональные отношения⁸¹.

Савинов Л.В. также совершенно справедливо считает, что наиболее важными остаются следующие проблемы и вопросы этнополитики, которые должны быть категориально определены: соотношение этничности и политики, этничности и власти, этничности и демократии, безопасности и этничности, а также проблема построения прогнозируемых моделей этнополитики и этнополитических процессов⁸².

В свою очередь, российский исследователь В.И. Даниленко сводит все содержание этнической политики к политике «внутри государства по отношению к национальным меньшинствам, таких, в частности, как стремление к единству и общее самосознание»⁸³. Но такого рода сужение, определение этнической политики только лишь через призму отношения к этническим меньшинствам, нам представляется не совсем корректным.

Нам кажется, что наиболее четко определяет границы этнополитики как научного раздела политической науки Казбек Султанов, считая то, что «этническое включает в себя то, что можно назвать вневременным субстратом жизни народа, онтологически значимой основой, которая сохраняется в потоке исторических изменений. Национальное — это определенное состояние этноса, одна из фаз его

⁸⁰Савинов Л. В. Общество и этнополитика: специфика этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе: моногр. —Новосибирск: СибАГС, 2005. —С. 55.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³Даниленко В.И. Современный политологический словарь. —М.: NOTA BENE, 2000. —С. 637.

развития, предполагающая превращение народа из природно-этнографического материала в субъект истории»⁸⁴.

Советский и российский историк, этнолог, социальный антрополог, профессор Валерий Тишков считает, что если под политикой мы понимаем участие в делах государства, определение его форм и типов, задач и направлений политической жизни общества, механизмы ее осуществления, тогда напрашивается определенное понимание этнополитики. В этом случае (убрать: если так, то) «этнополитика – это проявление этнического фактора в политике, участие этнических групп в делах государства и, в свою очередь, роль политики и государства в делах этнических сообществ, управление многоэтничными государствами, обеспечение межэтнического согласия и преодоления этнополитических конфликтов»⁸⁵. Таким образом, под этнополитикой мы будем подразумевать сферу политической жизни государства и общества, их отдельных органов, и групп по управлению этносферой.

На наш взгляд, необходимо чтобы принятию управленческих решений, (убрать: в) выработке программных документов в виде определенных концепций и стратегий предшествовало философское обоснование проблематики. Ведь если мы (убрать: не) концептуально не определим проблематику в соответствии с законами формальной логики, мы не сможем создать непротиворечивую рабочую теорию и не выработаем эффективную практическую модель по ее практической реализации.

Некоторые авторы справедливо считают, что необходима философская рефлексия реального положения этнической политики в современной России и всесторонний анализ наличного этнического материала⁸⁶.

⁸⁴Султанов К.К. Пределы этноцентризма в полиэтничном обществе. // Независимая газета. 1997, 29 июля.

⁸⁵Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. –М.: Издательство Московского университета, 2011.

⁸⁶ Фадеечева М.А. Философия этнополитики: реконструкция проблем // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Том 10, выпуск 3. –С. 250.

При этом главным объектом нашего философского изучения могут выступать те научные и общественные дискурсы вокруг этнополитики, которые происходят во многих российских виртуальных и оффлайн сообществах. «Дискурсы – важные агенты политической коммуникационной сети, выступающие в роли ретрансляторов, кодов и континуумов смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований»⁸⁷. Следует активно и целенаправленно включать данные сообщества в сферу реальной политической дискуссии, так как именно они являются живыми и непосредственными участниками межнационального, межэтнического и межконфессионального общения и коммуникации.

Нам кажется, что наиболее важным с философской и теоретической точки зрения является категориальное определение терминов и рассмотрение следующих, связанных с ними вопросов этнополитики как учения:

- во-первых, рассмотрение актуальных теоретико-методологических проблем этнополитологии как раздела политического учения;
- во-вторых, выявление идейно-теоретических основ этнополитики;
- в-третьих, поиск места и роли этничности в государственной политике;
- в-четвертых, изучение причин и следствий реальных этнополитических процессов;
- в-пятых, выработка концепции миграционной политики государства в контексте этнополитики.

Важнейшим фактором, способствующим укреплению и упрочению межнационального и межконфессионального мира и согласия, является постоянный мониторинг состояния и определение уровня этнической напряженности в регионах. В этой связи было бы целесообразно каждому субъекту Российской Федерации выработать свою собственную этнополитическую тактику, в зависимости от историче-

⁸⁷Русакова О. Ф., Максимов Д. А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006. № 4. – С. 26.

ских, национальных и социальных особенностей проживающих в ней народов.

Современный глобализирующийся мир ставит перед человечеством все новые и новые проблемы: бесконтрольная миграция, политическая безответственность и правовой нигилизм, все большее распространение болезней и пандемии ставят под сомнение не только возможность выживания одной конкретно взятой нации, но и целостность и саму возможность дальнейшего прогрессивного развития человеческого сообщества. Все те изменения и модернизации, которые мы сегодня наблюдаем – в социуме, природе, личности – затрагивают сами основы существования национальной государственности. Сегодня этот вопрос напрямую связан с тем фактом, что сама личность решает, что она считает своей национальной принадлежностью: то ли то государство, с которым он территориально или юридически связан или ту примордиальную общность, к которой он себя причисляет. В этом случае «национальное государство видится как воплощение интересов гражданской нации (независимо от того, кто к ней относится, где гражданство и гражданские ценности имеют первостепенное значение)»⁸⁸.

Российский социолог Владимир Шапалов в учебнике «Этнополитика» так определяет основные области политического воздействия в данной сфере общественных отношений:

- во-первых, задачей государственной этнической политики является наиболее полное согласование всех интересов проживающих в стране народов, и обеспечение материальной и правовой основы их поступательного развития, основанного на добровольном и взаимовыгодном сотрудничестве;
- во-вторых, интеграция народов в единое гражданское общество, которое сформирует общегражданские общественные ценностные идеалы и ориентиры;

⁸⁸Фадеечева М.А. Философия этнополитики: реконструкция проблем // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Том 10, выпуск 3. –С. 152.

- в-третьих - повсеместное поддержание баланса интересов между доминантным большинством и этническими меньшинствами, которое бы исключало, через специальные институты и политические процедуры, этнократические тенденции в сфере власти большинства и чрезмерной политизации этничности со стороны меньшинства;
- и, в-четвертых, предотвращение возможных диспропорций в социальных условиях между контактирующими этническими группами и обеспечение равных возможностей их социального развития.

Этнополитика, таким образом, включает в свою сферу определенные средства и методы, с помощью которых происходят взаимодействия и взаимоотношения между членами общества, принадлежащими к различным этносам, отличающимися особенностью исторического и культурного развития, своими исконными обычаями и традициями. В зависимости от степени их валентности к определенной этнической группе, восприимчивости или толерантного отношения к той или иной национальности будет зависеть государственная политика по отношению к разным этносам.

Государству необходимо вовлекать эти национальные общности в область принятия политических отношений, так как они могут, так или иначе, касаться их интересов, потребностей или чувств. Способы управления и сама модель управления различными этнонациональными процессами сложна и многопланова, так как включает в себя различные компоненты и затрагивает сферу влияния различных субъектов и объектов этнополитики: это и национальные общины, и процессы, происходящие в них, и целый комплекс методов, средств, приемов взаимодействия и взаимовлияния, и управления, корректировки и предотвращения негативных последствий межнациональных конфликтов.

Развитие межэтнического взаимодействия – процесс закономерный и управляемый, так как сама сущность общественных изменений является организованной системой действий и противодействий. Для достижения определенных предполагаемых целей и задач необходимо определять комплекс мер, состав управленческих решений, социальных рычагов воздействия и влияния на конкретные силы

ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

в обществе в сфере межнациональных отношений. По этой причине государству и обществу очень важно понимать суть происходящих в обществе изменений, касающихся национальных сообществ, развития межнационального взаимодействия и предпринимать заранее превентивные меры по предотвращению негативных последствий в этносфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нам становится понятно, что важнейшими составляющими национальной политики российского государства были и будут являться взаимодействие с этническими группами, населяющими нашу многонациональную страну. Этноты, народности, нации выступают основными медиаторами этнополитического процесса в регионах и национальных республиках. Этнические национальные сообщества могут формировать социальный заказ от этнических групп и наряду с государством выступать субъектами удовлетворения специфических этнонациональных и культурных потребностей. В этой связи особая роль придается национальной интеллигенции, которая становится ядром формирующим национальное сознания. В определенные, особенно критические для народа моменты именно интеллигенция является основным носителем и ретранслятором национальной идеи того или иного народа.

Но зачастую данная прослойка населения может оказаться оторванной от своих национальных корней и от основной массы своей этнической группы и жить иными проблемами, целями и задачами, чем сама нация. По этой причине тот сигнал, который дает само этническое сообщество власти, может быть искажен на некотором этапе передачи. Это приводит к тому, что местная бюрократия, живущая иными бедами и победами, принимает не соответствующие для основной массы населения управленческие действия. Как мы указали выше, именно это обстоятельство приводило к краху все предпринимаемые царским правительством действия по решению национального вопроса.

В первые годы становления советской власти были созданы благоприятные условия для развития национальных окраин и народов их населяющих. Основываясь на идеологических догматах, руководство СССР неоднократно заявляло о решении национального вопроса. Выступая с политическим докладом на XII съезде партии большевиков в 1924 году, Григорий Зиновьев отметил, что вместе со своей пар-

тий советский народ в основном решил этот вопрос, остались только детали.

В 1972 году, в докладе к 50-летию образования Союза ССР руководитель государства Леонид Брежнев заявил, что «Мы полностью решили национальный вопрос в тех его аспектах, в каких он достался нам от дореволюционного прошлого». Правда, отметив при этом, что на этапе строительства развитого социализма, национальный вопрос «выдвигает новые проблемы и задачи» и что партия и советское правительство постоянно держат эти вопросы в поле зрения, своевременно решает их в интересах всей страны и каждой отдельной республики, в интересах коммунистического строительства. Для такого заявления были вполне достаточные основания, считают современные ученые⁸⁹. В сфере национального строительства, подготовки кадров, развития национальной культуры и этнообразования СССР добился громадных результатов. И это не подлежит никакому сомнению.

В зарубежной этнополитологии все еще превалирует точка зрения, что Союз ССР являлся империей и продолжалось начатое еще при царской власти подавление этнонационального развития. Английский ученый С. Биалер, американский политолог З. Бжезинский, французский историк Э. Каррерд'Анкосс однозначно негативно оценивают этнонациональную политику страны Советов. К ним присоединяются и некоторые авторы постсоветского периода⁹⁰. Этнолог В.А. Тишков считает Россию империей «особого рода», так как в ней, по его мнению, не было ни имперской нации, ни разделения на метро-

⁸⁹ Полынов М.Ф. Проблемы и противоречия в развитии национальных отношений в СССР в 1970-х - в первой половине 1980х гг. // Общество. Среда. Развитие. №2(7). – С. 3-4.

⁹⁰Амеркулов Н., Масанов Н. Казахстан между прошлым и будущим. – Алматы, 1994; Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. – М., 1998. –С. 271–415.

полю и колонизируемую периферию⁹¹. Далее он добавляет, что это была империя за счет русского народа⁹².

Об имперской сути СССР довольно часто встречаются публикации в бывших Прибалтийских республиках Союза, в Украине и Закавказье. Но вместе с тем, нельзя сбрасывать со счетов рост экономики, благосостояния народов живущих на этих территориях по сравнению в царском периоде. Даже эмигрантские круги отмечали этот факт. Р. Масиунас и Р. Таагепера писали в 1980-х годах: «Прежние наблюдатели преувеличивали культурную ассимиляцию в Советском Союзе. Отмечая ограниченную политическую и экономическую автономию республик в Советском Союзе, эти наблюдатели недооценивали импульс для национального самосознания, который исходил от факта самого существования национальных республик, не говоря уже об их вполне реальной культурной автономии. Прибалтийские нации вполне использовали свои возможности...»⁹³. Думается, что такая точка зрения более адекватно обрисовывает ситуацию с бывшими национальными окраинами Российской империи.

Сегодня мы видим, что в мире, где инструменты социальной истории и политологии, социологии и социальной психологии очень развиты, активно и эффективно используются в различных целях во всех странах мира. Разыгрывая при этом национальную карту, та или иная часть населения или правящей элиты может получить реальную выгоду для себя, при этом обедняя противную сторону. Роль зарубежных центров, идеологий из других стран, для повышения собственной конкурентоспособности и снижения конкурентоспособности других стран и народов сегодня хорошо известна⁹⁴. Пропагандистские

⁹¹Тишков В.А. Самоубийство центра и конец Союза (политическая антропология путча) // Советская этнография. 1991. № 5. –С. 19.

⁹²Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. Доклад на заседании Президиума Российской Академии наук 23 февраля 1993 года. –М.: ИЭА РАН, 1993. –С. 72.

⁹³Цит. по: Емельянов Ю.В. Большая игра: Ставки сепаратистов и судьба народов. – М.: 1991. –С. 247-248.

⁹⁴Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны. М.: Кучково поле, 2013. –416 с.; Селиванов А.И. Американская доктрина о превентивном воен-

механизмы, мировые СМИ, Интернет и социальные сети стали новым мощным оружием мировой конкуренции и осуществления внутренних и внешних этнополитик. В мире, где существенно активизировались миграционные процессы, сложно говорить о национальной идее той или иной страны. Это касается и Российской Федерации, которая пытается проводить свою этнокультурную политику как по отношению традиционных этнических групп внутри страны, так и по адаптации и интеграции прибывающих в страну или другой регион РФ представителей других наций и народностей. Этнокультурная адаптация касается совокупности различных внешних поведенческих мотивов и мотиваций мигрантов в новом этнокультурном окружении, включая их способность решать каждодневные социально-культурные проблемы⁹⁵.

Социальные технологии, применяемые сегодня как в мирное время, так и в период конфликтных ситуаций, стратегии информационных войн и «цветных революций», различные инструментарии «мягкой силы» и перманентной войны – все это становится невидимым оружием этнополитик и становится важным фактором развития событий в той или иной стране или регионе. Этнические же проблемы, особенно нерешенные социальные, экономические и культурные противоречия в обществе могут стать основой для развертывания крупномасштабных действий не только в социальных сетях, но и на улицах и площадях. Те события, очевидцами которых мы становимся: национальные выступления в некоторых арабских странах и развитых демократических государствах Запада и Нового света дают нам основания утверждать, что еще долгое время национально-этническая и конфессиональная окраска различных событий будет иметь, порой, решающее значение в решении политических вопросов.

Поэтому мы полагаем, что необходимо прилагать усилия научного сообщества для дальнейшего изучения как теоретического бага-

ном ударе как политическая и правовая реализация духовных оснований американской культуры // Евразийский юридический журнал. №12 (115). 2017. –С. 16-20.

⁹⁵Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. № 5. –С. 71.

жа, так и практических достижений в данной области. Мы не можем отрицать влияния западных научных исследований и социальных технологий, примененных для целенаправленного развала СССР. Притом, эти технологии в этнополитике элит разных этносов на постсоветском пространстве губительно действуют и сегодня для постсоветских народов. Поэтому при конструировании национальной политики лучше всего не забывать «философское колесо», т.к. именно от характера его хода будет зависеть то, в каком направлении и с какой скоростью будет двигаться история того или иного народа, той или иной страны. А национальным элитам нужно постоянно думать не о собственном личном благополучии, а о судьбе своего собственного народа, своей культуры и своей страны.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Е.Е.* История национального вопроса в Республике Саха (Якутия) (февраль 1917 – 1941 гг.). – Якутск: Литограф, 1998. – 318 с.
2. *Амеркулов Н., Масанов Н.* Казахстан между прошлым и будущим. – Алматы, 1994. – 206 с.
3. *Антонов Е.П.* Интеллигенция Якутии (1922 – 1938 гг.). – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1998. – 136 с.
4. *Антонов Е.П.* Тунгусское национальное движение // Полярная звезда, 2000, № 4. – С. 92-96;
5. *Арутюнян Ю.В., Дробищева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. – М.: Издательство: Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
6. *Башарин Г.П.* Общественно-политическая обстановка в Якутии в 1921–1925 гг. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1996. – 325 с.
7. *Берге в.д.П.* Раса и этничность: социобиологическая перспектива // Вопросы национализма. №4(20), 2014. – С. 89-99.
8. *Бурдые П.* Описывать и предвидеть: Заметки об условиях возможности и границах политической действенности // Логос, 2003. № 4-5. – С. 33-41.
9. *Бурдые П.* Социология политики / пер. с фр.: сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
10. *Валуев П.А.* Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. – 425 с.
11. *Винокурова У.А.* Сказ о народе саха. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик» 1994. – 144 с.
12. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.
13. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. – Т. 3. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
14. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества / Пер. и примеч. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 703 с.

15. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. –М.: Наука, 2003. –764 с.
16. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. под ред., с предисл. и примеч. Г. В. Рамишвили. –М.: Прогресс, 1984. –397 с.
17. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. –М.: Книга, 1991. –573 с.
18. *Даниленко В.И.* Современный политологический словарь. –М.: NOTA BENE, 2000. –1024 с.
19. *Декларация прав народов России* // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. –М. : Советская энциклопедия, 1969—1978. –616 с.
20. *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. –М.: Мысль, 1996. –382 с.
21. *Емельянов Ю.В.* Большая игра: Ставки сепаратистов и судьба народов. –М.: 1991. –268 с.
22. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. –М.: Аспект-пресс, 1997. –285 с.
23. *Иванов В.Н.* Взаимодействие этносов: региональные особенности. Сборник научных трудов. –Якутск, 1994. –С. 5-15.
24. *Иванов В.Н.* Лидер и общество (Институт президентства) // Республика Саха (Якутия): путь к суверенитету. –Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. –С. 110-121.
25. *Иванова Т.С.* Из истории политических репрессий в Якутии (конец 20-х – 30-е гг.). –Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. –С. 4-5, 21-53.
26. *Кант И.* Сочинения в шести томах / Под общей редакцией В.Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т.И. Ойзермана Серия Философское наследие. –М.: Мысль. -Т.6. 1966. –543 с.
27. *Кант И.* Критика способности суждения / пер. с нем. –СПб.: Наука, 2001. –С. 365 с.
28. *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большеви́стская революция. 1917–1923. Пер. с англ. –М.: Прогресс, 1990. –764 с.

29. *Курило О.В.* Лютеране в России. XVI-XX вв. –Волгоград: Фонд Лютеран. наследие 2002. –400 с.
30. *Лейтон Д.* Теория политической идентичности. Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. –М.: 1999. –397 с.
31. *Малинин Г.В., Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., Нысанбаев А.Н.* Теория и практика межэтнического и межкультурного взаимодействия в современном Казахстане. –Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2002. –305 с.
32. *Михайлов В.Д.* Культура мира и парадигма согласия: единство и различие // Логос. Культура. Цивилизация. Тезисы докладов IV научно-теоретической конференции (Якутск. 26 мая 1999 г.). –Якутск, 1999. –С. 109-112.
33. *Михайлов В.Д.* Провинциальный синдром: истоки и проблемы // Якутский философский журнал. №2, 2019. –С. 31-36.
34. *Мусин Д.А., Василенко Ю.В.* Региональные модели этнокультурной политики как предмет сравнительного анализа // ARS ADMINISTRANDI. 2010. № 1. –С. 44-59.
35. *Нравственная жизнь человека: искания, позиции, поступки / редколл.: А.И. Титаренко (отв. ред.) и др.* –М.: Мысль, 1982. – 295 с.
36. *Петров Ю.Д.* Государственная национальная политика – фактор становления гражданского общества //Логос. Культура. Цивилизация. –С. 120-122.
37. *Поздняков Э.А.* Нации. Национализм. Национальные интересы. –М.: Прогресс: Культура, 1994. –123 с.
38. *Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII-начале XX в.* Автореферат...д-ра. ист. наук: 07.00.02. –СПб., 2007. –46 с.
39. *Полынов М.Ф.* Проблемы и противоречия в развитии национальных отношений в СССР в 1970-х - в первой половине 1980х гг. // Общество. Среда. Развитие. №2(7). –С. 3-26.
40. *Русакова О.Ф., Максимов Д.А.* Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. Политические исслед.

- дования, 2006. № 4. –С. 26-43
41. *Савинов Л.В.* Общество и этнополитика: специфика этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе: моногр. –Новосибирск: СибАГС, 2005. –168 с.
 42. *Сарсен А.К.* Культура и образование как основы геополитики // Электронный научный журнал edu.e-history.kz. № 24(12). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/764>. Дата проверки: 29.11.2020.
 43. *Семенов Ю. И.* Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: «Современные тетради». 2003. –776 с.
 44. *Селиванов А.И.* Американская доктрина о превентивном военном ударе как политическая и правовая реализация духовных оснований американской культуры// Евразийский юридический журнал. №12 (115). 2017. –С. 16-20.
 45. *Смит Э.* Национализм и модернизм. –М.: Праксис, 2004. –С. 271. Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны. М.: Кучково поле, 2013. –416 с.
 46. *Соломещ И.М.* Обретение Финляндией независимости в освещении российской историографии // Альманах североевропейских и балтийских исследований / NordicandBalticStudiesReview. –Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2017. Вып.2. –С. 430-437.
 47. *Сомоготто С.* Происхождение народа саха. –Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. –111 с.
 48. *Сондерс Ф.С.* ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны. М.: Кучково поле, 2013. –416 с.
 49. *Старостин В.П., Петров В.В.* Трактат «К вечному миру» Иммануила Канта и современность // Глобальный научный потенциал. –СПб.: ТБМпринт. 2013. №3(24). –С. 36-38.
 50. *Султанов К.К.* Пределы этноцентризма в полиэтническом обществе. // Независимая газета. 1997, 29 июля.
 51. *Тишков В.А.* Межнациональные отношения в Российской Федерации. Доклад на заседании Президиума Российской Ака-

- демии наук 23 февраля 1993 года. –М.: ИЭА РАН, 1993. –72 с.
52. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. –М.: Наука, 2003. –544 с.
53. *Тишков В.А.* Самоубийство центра и конец Союза (политическая антропология путча) // Советская этнография. 1991. № 5. –С. 13-25.
54. *Тишков В.А., Шаббаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. –М.: Издательство Московского университета, 2011. –376 с.
55. *Тощенко Ж.* Этнократия: История и современность. Социологические очерки. –М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. –С. 432 с.
56. *Фадеечева М.А.* Философия этнополитики: реконструкция проблем // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Том 10, выпуск 3. –С. 150-154.
57. *Флигстин Н.* Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. –М.: РОССПЭН, 2002. –273 с.
58. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева. –СПб. :Алетейя, 1998. –305 с.
59. *Хасс Дж.* Социологический неоинституционализм и анализ организаций (предисловие к разделу) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. –Вып. 3, 2007. –С. 112-125.
60. *Южанин М.А.* О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. № 5. –С. 70-77.

На иностранных языках:

1. *Bourdeu P.* Homo Academicus. Stanford, ca: Stanford University Press, 1988.
2. *Bendix R.* National Building and Citizenship, New York: Wiley, 1954.
3. *Fligstein N.* Social Skill and Theory of Fields // Sociological Theory. 2001. Vol. 19. № 2. –P.105-125.
4. *Glucksman A.* Norbert Elias on his eightieth birthday. In: Human Figurations. Oxford, 1978.
5. *Hagen M. von.* Empires, Borderlands, and diasporas: Eurasia as anti-paradigm for the post-Soviet era // American hist. Rev. - Wash. , 2004. - Vol. 109, n 2. –P. 445-468
6. *Hinske N.* Kant als Herausforderung an die Gegenwart. -Freiburg; - Munchen: Alber, 1980.
7. *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Bercley. Cal., 1985.
8. *Kappeler A.* Die Tschuwaschen. Ein Volk im Schatten der Geschichte. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2016.
9. *Olzak S., Nagel J.* Copmetitive Ethnic Relations, Orlando, 1986.
10. *Rothschild J.* Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.-Y., 1981.

ОБ АВТОРАХ

Жондоров Петр Николаевич – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Арктического государственного агротехнологического университета, кандидат философских наук.

Лотова Надежда Константиновна – зав. кафедрой социально-экономических наук, доцент Арктического государственного агротехнологического университета, профессор Российской академии естествознания, кандидат педагогических наук.

Старостин Владимир Петрович – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Арктического государственного агротехнологического университета, профессор Российской академии естествознания, кандидат философских наук.

ABOUT THE AUTHOR

Jondorov Pyotr Nikolayevich – associate Professor, Department of Humanities and social Sciences Arctic state agrotechnological University, candidate of philosophical Sciences.

Lotova Nadezhda Konstantinovna – head of the Department. Department of social and economic Sciences, associate Professor of the Arctic state agrotechnological University, Professor of the Russian Academy of natural Sciences, candidate of pedagogical Sciences.

Starostin Vladimir Petrovich – associate Professor of the Department of social and humanitarian Sciences of the Arctic state agrotechnological University, Professor of the Russian Academy of natural Sciences, candidate of philosophy.

ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	6
Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ ЯКУТСКОЙ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ	
§1.1. К вопросу об участии национальной интеллигенции в становлении Якутской автономной республики.....	14
§1.2. Этнополитическое развитие якутского народа в первое десятилетие Республики Саха (Якутия).....	22
§1.3. Варианты развития этнополитических отношений в Якутии на рубеже веков.....	30
Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОПОЛИТИКИ КАК УЧЕНИЯ	
§2.1. Этнополитика - теоретические и методологические основы.....	40
§2.2. Судьба этнополитических идей и движений в России.....	51
§2.3. Этнополитика в современном политическом, социальном и философском измерениях.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	71
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	76
<i>Об авторах.....</i>	82

ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

CONTENTS:

PREFACE.....	4
INTRODUCTION.....	6
Chapter 1. THE FORMATION OF THE YAKUT AUTONOMOUS COMMONWEALTHS	
§1.1. on the issue of participation of national intelligentsia in the formation of the Yakut Autonomous Republic.....	14
§1.2. Ethnopolitical development of the Yakut people in the first decade of the Republic of Sakha (Yakutia).....	22
§1.3. Options for the development of ethnopolitical relations in Yakutia at the turn of the century.....	30
Chapter 2. THEORETICAL ORIGINS AND PROSPECTS OF ETHNOPOLITICS AS A TEACHING	
§2.1. Ethnopolitics-theoretical and methodological foundations.....	40
§2.2. The fate of the ethno-political ideas and movements in Russia.....	51
§2.3. Ethnopolitics in modern political, social and philosophical Dimensions....	63
CONCLUSION.....	71
REFERENCES.....	76
<i>About the author.....</i>	82

Жондоров П.Н., Лотова Н.К., Старостин В.П.

Ж-80 К истории становления Якутской автономной республики и вопросы этнополитики – Якутск.: Изд-во ЯРО РГО «Академия», 2020. – 84 с. – (Общество. Культура. Образование. Сер. моногр.; Книга № 7).
ISBN 978-5-6042913-0-6

УДК 329.17

ББК 66.1(2)

**Жондоров Петр Николаевич, Лотова Надежда Константиновна,
Старостин Владимир Петрович**

**К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЯКУТСКОЙ АВТОНОМНОЙ
РЕСПУБЛИКИ И ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ**

Монография

Технический редактор:
З.С. Васильева

Подписано в печать: 12.11.2020 г.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура TimesNewRoman.
Усл. печ. л. 5. Тираж 500 экз. Заказ № 062.

Оригинал-макет изготовлен в Издательстве ЯРО РГО.
Компьютерный набор авторов.

Издательство ЯРО РГО.
Адрес: 677007 г. Якутск, 3 км. Сергеляхского шоссе, д. 3/1.

**Полную информацию о нашем издании, правилах и условиях
публикации см. на сайте: oko.esrae.ru.**